

Странные романы

Юрий НИКИТИН

Рассветники

«ЭКСМО»

2011

Никитин Ю. А.

Рассветники / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2011 — (Странные романы)

ISBN 978-5-699-53285-8

Телекамеры на перекрестках, у входа в аэропорт, метро, вокзалы, в подъездах домов, лифтах и, наконец, – в квартирах. Но это цветочки, в продажу поступили чипы, что многократно усиливают работу мозга за счет того, что могут пользоваться возможностями тех, у кого такие же девайсы. А вместе с тем и полная открытость чувств, мыслей, желаний, тщательно скрываемых тайн... Вы готовы войти в такой мир? Нет? Это неважно, он придет сам.

ISBN 978-5-699-53285-8

© Никитин Ю. А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Предисловие	5
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	49
Глава 10	53
Глава 11	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Юрий Никитин

Рассветники

Посвящается Михаилу Батину, который так много делает для распространения идей трансгуманизма.

Что не оскорбительно для массового человека, то вообще не искусство.

Предисловие

Скажу коротко: здесь развитие и некоторое обсуждение идей и проблем трансгуманизма, опасностей и вызовов, с которыми столкнемся все мы через десять-двадцать лет, и никого из нас не минует чаша сия.

Здесь нет ерунды вроде галактических контрабандистов, что дерутся с таможенной десантными ножами, здесь все серьезно, потому местами неприятно, страшно и неуютно. Мы заглядываем в тревожное будущее, а не смотрим в милое знакомое прошлое, где все мы, понятно, орлы, все знаем и все умеем.

Детальные споры по трансгуманизму, в том числе и по этой книге, идут по адресу: <http://t-human.com/>

Основной сайт по трансгуманизму: <http://www.transhumanism-russia.ru/>

Часть I

Глава 1

Проскочил на скорости сто сорок через урбанистическую окраину, дома здесь то поставленные стоймя длинные карандаши с остро заточенными остриями, то медицинские шприцы, есть даже удлиненные патроны, так же сверкают латунью, с виду литой металл, хотя изнутри стены настолько прозрачные, словно их нет вовсе.

Ближе к перекрестку пара уходящих в небо абсолютно прозрачных трубок, только на крыше огни, чтобы самолет сдуру не налетел, какая-то хитрая разработка, заставляющая лучи света огигать здание, сделав его почти полностью незримым, по той же технологии, что и стелсы нового поколения.

Едва миновали урбанистику, автомобиль понесся пулей, рядом на такой же скорости плотный поток машин, и кажется, мы стоим, а дома по обе стороны широкой улицы несутся навстречу и торопливо прошмыгивают нам за спины.

Пока автомобиль несется через Нахимовский проспект, я сказал «телефон, Корнилов Николай», через пару секунд раздался звонок, вспыхнул экран, в глубине комнаты голый до пояса крупный массивный мужик с внешностью тяжеловеса неспешно обернулся, лицо удивленно-глупое, подумал и потащился к монитору, почесывая на ходу потное свисающее пузо.

– Здравствуй, Гриша, – пробросил он, – как жизнь?

– Спасибо, – ответил я угрюмо, – не жалуется. Ты почему сегодня не был на работе?

– Извини, Гриша, – сказал он с малейшей ноткой виноватости, – сантехника жду. А так я все успел, материалы тебе скинул по емэйлу.

– Кого-кого ждешь?

– Ремонтника, – объяснил он.

– Что сломалось?

– Да не сломалось, – с неохотой выговорил он, – а... понимаешь, у меня температура чуть-чуть ниже нормы. Да не в доме, а тела! Не тридцать шесть и шесть, а тридцать шесть и одна десятая. Ну, есть такие люди, два-три на миллион, это тоже как бы норма, хоть и на самом краю. Но этот дурацкий умный дом, какой же он умный? – требует, чтобы я принял какие-то таблетки!.. Теперь надо либо отключить эту систему, либо перепрограммировать, а то будет звонить и на работу, он уже так делал на прошлой неделе, когда узнал, что у меня запор, в офисе теперь даже пылесосы ржут, как только захожу...

Я сказал с чувством:

– Ну и дикарь ты, Николай! Дай удаленный доступ, теперь все водопроводчики так работают. В смысле, ремонтники. Кто же по домам ездит?

На экране было видно, как он, перекосив небритую рожу, звучно поскреб ногтями в затылке.

– Да, понимаешь, там файервол надо отрубать, а как-то боязно.

– Чудак, – сказал я с досадой, – дай доступ только к нужному месту, а все остальные закрой! И ничего не сопрет, если у тебя будет открыт, скажем, доступ только к распределительному щитку в коридоре! Так понятно?

Он промямлил:

– Знаешь, мне проще, если приедет... Это ж надо знать, как именно к щитку. Я знаю только либо врубить все, либо вырубить.

Я чертыхнулся, откуда такие беспомощные, стихи пишет, что ли, или русской историей интересуется, Куликовскую битву реконструирует...

– В общем, так, – сказал я, – или прочтешь инструкцию и перестанешь, понял?.. или перевожу в отдел вспомогательных работ.

Он охнул:

– Ты что?.. Я ж биомеханик номер один!.. В стране таких всего трое!

– Уже нет, – сказал я без жалости, – другие обогнали. Ты сейчас смотришь вслед быстро уходящему вагону. А если завтра хотя бы опоздаешь... Ну, ты понял. Бывай!

Экран погас, зеленый огонек жалобно мигает, уговаривая поговорить еще, но я переключил на новости. Трудно быть начальником отдела, хоть у меня всего пятеро сотрудников. Как только получил грант и, набрав людей, начал самостоятельные исследования, то разом стал для всех подчиненных уже не своим, а кем-то, от которого что-то надо скрывать, прятать, при моем появлении все разбегаются и делают вид, что усердно пашут.

Хотя это я со зла, если бы в других фирмах так пахали, как у нас, уже давно бы построили идеальное общество, и на Марсе бы яблони цвели.

Мне с детства всегда хотелось быть загадочным и мрачным, непонятым окружающими, тем более что всегда всерьез считал, что в самом деле взрослые не понимают, у меня ж такая глубокая, широкая и вообще такая многоплановая и многоуровневая душа, что куда им, приземленным, понять такую натуру! Потом, конечно, узнал, что все сопливые уверены в своей уникальности, и чем сопли длиннее, тем громогласнее ник в байме и в чатах...

Но, может быть, потому, что во мне эта дурь задержалась дольше, чем у других, кто поумнее, я и доказывал свою уникальность дольше умных, и вот теперь у меня лаборатория, собственные исследования и перспектива открыть, доказать, утереть носы, совершить, опровергнуть, утвердить...

Авто на большой скорости вошло в поворот, впереди мозголомная многоуровневая развязка, сам в такой бы неделю разбирался, но автомат ведет уверенно, еще и сообщил приятным женским голосом, что из-за футбольного матча между «Селтиком» и «Хрюндиком» улицы полупусты, приедем на восемь минут раньше запланированного, не изволю ли заехать куда-то еще...

– Нет, – сказал я, – не изволю.

– Ввели в эксплуатацию большой чудо-фонтан на Козлином Пятачке, – сообщил голос, – будем проезжать через восемь минут. Притормозить?

– Я такое не рассматриваю, – сурово сказал я. – Что-то медленно обучаешься. Блондинка, что ли?

Машина обиженно умолкла. Фонтаны мы проскочили на хорошей скорости, я обожаю хай-тек, а это нелепище с писающими мальчиками построено в угоду биоконкам в стиле каких-то луёв. Как же, украшает! Как боксера очки.

Дальше среди мелких, почти коттеджно расплюснутых домиков к небу рвутся два ослепительно белых супернебоскреба, похожих на гигантские кристаллы сахара.

На приборной доске вспыхнул огонек, следом загорелся синим экран, а на нем встревоженное лицо отца, ему всегда доступ без всяких паролей.

– Гриша, – прозвучал его чуточку виноватый голос, – ты как, говорить можешь?

Я ответил почти так же виновато из-за его виноватости:

– Ну, папа, теперь за руль не держатся и за дорогой не следят! И мобильник не прижимают к уху! Конечно же, могу!

Он сказал торопливо:

– Ну, я подумал... вдруг ты не за рулем, а... на собрании...

– Папа, – сказал я с укором, – там у тебя на экране двигается точка по карте города. По Серпуховской видишь? Сейчас поверну на Коровий Вал... ну какое собрание?..

Он вздохнул:

– Да все не успеваю за вашим прогрессом. Сможешь заглянуть на часок?

Я быстро вызвал на экран табло с расписанием, разноцветье пиктограммок сразу сообщило во всех подробностях, что и в какой час делаю в течение дня, недели и какие важные дела ждут на протяжении месяца.

– Если прямо сейчас, годится?

– Да, конечно, – сказал он обрадованно.

– Тогда щас и заскочу, – сказал я. – Мне к тебе минут пятнадцать добираться, не больше.

– Буду ждать, – сказал он. – Могу пирог испечь.

– Я люблю твои пироги, – сообщил я, – но не надо. Спешу.

Вечером на улицах машин и людей многовато, все-таки пятница, веселье и всяческие утехы возведены в культ, без них человек подозрителен, нужно постоянно улыбаться и лучиться довольством, чтобы выглядеть добропорядочным гражданином, а не замышляющим взорвать Красную площадь.

Отец живет в двадцатипятиэтажном доме на окраине, предполагалось, что такие вот полуневоскребы будут стоять, как карандаши, на просторе, потому не предусматривалось подземных стоянок, и вот теперь все пространство между домами запружено автомобилями.

Мой, ворча и пофыркивая, отыскал место и припарковался так тесно, что я едва вылез.

Камера в подъезде должна бы хранить мое изображение, однако пришлось самому вытаскивать из кармана магнитный ключ и открывать толстую металлическую дверь.

Лифт поднял меня на самый верх, двери начали раздвигаться, и сразу же послышался щелчок, на площадку выбежал отец, обнял, похлопал по плечам, потащил в распахнутые двери, где видно широкий коридор и часть кухни, откуда валом прут вкусные запахи.

– Ну, – сказал я чуть смущенно, – я же не нажираться приехал... Рассказывай, как дела, да рвану обратно.

Он ахнул:

– Ты что? Только приехал, и уже думаешь, как удрать?.. Что за жизнь вся в спешке...

– Это не у меня, – ответил я, – это вообще.

– Знаю-знаю, – ответил он со вздохом. – Как на эскалаторе, – не идешь вверх – относит вниз.

– Более того, – сказал я, – кто не бежит вверх, уже и того сносит. Жизнь ускоряется, отец. Да не спеши ты с этим столом. Успею нажраться. Кофе да, буду... Давай я сам заварю, что-то все крепче и крепче предпочитаю. Или вынужден... Что случилось? Голос у тебя был весьма такой... не очень...

Он сказал мужественно, но голос пару раз дрогнул:

– Знаешь, я решил... Я сперва еще думал, что вот все сожгут, а я останусь с таким богатством, через сто лет это вообще будет редкость... потом понял, что книг в мире столько, увы, никогда не станут редкостью...

Я молчал, сопел сочувствующе. Все, что можно сказать, проговорил так и эдак годы назад, когда избавился от библиотеки сам. Отец тогда язвительно вспоминал что-то про Фаренгейта, тогда тоже жгли, но вообще-то, как помню детские впечатления, это не то, сейчас жгут не книги, а только устаревшие носители. Все библиотеки мира, как и картинные галереи у каждого дома в крохотном уголке на харде.

Стыдась и нервничая, он начал брать книги с полок, связывать в толстые пачки. Сперва снимать, потом вынимать; как у всякого книжника, они в два, а то и в три ряда. Как и при переезде, их оказалось намного больше, чем видится на первый взгляд. На стеллажах красивые ровные ряды, и кажется, их не так уж много, но когда дело доходит до перебазировки...

Сейчас же все обстояло намного хуже, чем при самой тягостной перевозке с квартиры на квартиру. Отец дважды пил валериану, но сердце снова заболело, пришлось накапать валокордина, и не тридцать капель, как я ему уже давал пару раз как-то, а все пятьдесят.

Веревки не хватило, он крикнул беспомощно:

– Сынок, там в кладовке еще моток бечевки!

Я отмахнулся:

– Там на столе я положил скотч.

– Липкую ленту? – переспросил он с негодованием. – Она прилипает к переплету!

– И что? – переспросил я. – Зато держит крепко.

– Но когда начнешь отдирать, – объяснил он, – испортит книгу.

– Отец, – напомнил я, – а мы куда их? На выставку?

Он помрачнел, оставил груды книг на полу и потопал на кухню, где в холодильнике стоит флакончик старого доброго валокордина. Я промолчал, несмотря на ридеры и жажду сбрасывать прошлое с корабля современности, книги все-таки жалко, сам пять лет назад то и дело брал какую-нибудь и ставил обратно на полку: эта пригодится... а эта просто красивая...

Потом, когда их становилось многовато, злился на себя и решительно снимал все до единой, пусть даже там роскошные альбомы с видами готических соборов или холодного оружия. Готические соборы лучше смотреть в три-дэ на сайте, как и любое оружие. Там и размеры можно менять, и поворачивать во все стороны, рассматривая под углами, и любой уголок в соборе увидеть в деталях, что невозможно в альбомном исполнении.

И все равно даже мне жалко выбрасывать книги, а что уж про отца, ему не просто жалко, это часть его жизни, души. Сколько его сверстников сейчас глотают сердечные капли, расставаясь с сокровищами, которые копили всю жизнь?

Я сказал громко:

– А вот Сергей Антонович решил проще...

Из кухни донеслось слабое:

– Как?

– Пусть книги, говорит, – крикнул я, – пока стоят, а после его смерти дети поступят, как хотят.

– Мудро, – донесся его слабый голос. – Все мрут в разное время, на сжигание не будет жуткой очереди, как сейчас.

Квартира отца на самом верхнем, двадцать пятом, и в ночи с балкона видна далекая багровая точка, как тлеющий на горизонте уголек. В той стороне расположена далеко за городом фабрика утилизации отходов, куда в свое время и я сдал уникальную библиотеку. Ее начал собирать еще прадед, пополняли дед и отец со стороны матери, даже я сам купил пару сот книг в эпоху своего студенчества.

Когда весь мир стремительно перешел на электронные носители информации, встала проблема, что делать с этими устаревшими носителями. Почти у каждого человека на земле имелись книги, а у многих – домашние библиотеки, которые собирали всю жизнь, ими гордились, передавали из поколения в поколение.

Книги в одночасье, слишком быстро, стали предметом... интерьера, что ли. Даже владельцы библиотек предпочитали читать с ридеров с их возможностями подбора шрифтов, освещения, расположения на экране. Книги стали не нужны сперва как источники информации, так как любые сведения проще и полнее искать в инете, потому первыми перестали приобретать энциклопедии и справочники, а затем и как источники удовольствия и наслаждения самим процессом чтения.

Скандално известный писатель Неназываемый выступил с резким заявлением, что если мы все избавились от устаревших магнитофонов, видеоманитофонов и даже компьютеров, то почему держим книги в доме, что служат источниками пыли, разносят аллергию и занимают ужасно много места?

Ему отвечали резко и возмущенно почти все, начиная от священнослужителей и заканчивая депутатами дум всех уровней, но суть их сводилась к тому, что книга – это нечто свя-

ценное, она тысячелетия вела человека из тьмы невежества к свету, в книгах все лучшее, что создали люди...

Неназываемый отвечал, что не призывает уничтожать книги, но настаивает на уничтожении прежних носителей: толстые томики из бумаги не просто устарели, но уже и вредны для здоровья. Дискуссии вспыхивали с новой силой, но в конце концов реформаторы победили, как бывает всегда, пусть и с некоторым опозданием: пришлось провести несколько хорошо срежиссированных кампаний против бумажных книг и показать, кто их защищает. Почти всегда это оказывались нервные и неуравновешенные типы, называемые гуманитариями, пенсионеры и часть необразованных домохозяек, а против бумажных носителей выступали успешные, деятельные, с высоким ай-кью, занимающиеся активной деятельностью.

Масштабы уничтожения бумажных носителей ужаснули даже самых революционных. Сотни, а потом тысячи самосвалов везли и везли на свалку книги, простаивали в очередях часами, выстраиваясь в длинные колонны, забивали дороги и мешали движению.

В конце концов все свалки города оказались забиты и переполнены, пришлось срочно рыть котлованы, но решением мэрии в несколько недель построили комбинат по сжиганию, объяснив населению, что это экологично и даже будет вырабатывать электроэнергию, что пойдет на освещение города. Конечно, какая там экологичность и экономия энергии, но все сделали вид, что поверили, нужны же себе оправдания, что вывозят на уничтожение те книги, которые с такой любовью всю жизнь собирали родители...

От отца сильно пахло валокордином, когда он появился из кухни, я сказал торопливо:

– Посиди, отдохни, включи жвачник...

Он покачал головой:

– Нет-нет, я в процессе.

– Отец, – сказал я с неудовольствием, – тебе не обязательно самому все это делать! Достаточно и твоего решения. Это уже... действие.

– Я в процессе, – повторил он.

Я смолчал, отец не хочет отставать от все набирающего и набирающего скорость времени, это я смотрю вперед с жадностью и готов подпирать прогресс: давай, давай быстрее, а он, напротив, сжимается от предчувствия неприятностей.

Глава 2

Грузчики приехали через час, а у нас, как водится, только половина увязана и упакована, однако они с этим сталкиваются постоянно, я доплатил, и эти молодые ребята, подрабатывающие после учебы, быстро выгребли остальные чудовищно толстые тома собраний сочинений, агромаднейшие атласы, альбомы картинных галерей...

Мне показалось, что отец за последние особенно переживает, я врубил на всю стену «Сокровища мирового изобразительного», там пошли сменяться эти шедевры, однако отец в ту сторону и глазом не повел. Вообще-то, у него психика здоровая: если альбомы эти на полке, то уже и смотреть не нужно, все в порядке, а вот когда их нет...

Кофейный автомат по мановению руки отца сделал две чашки кофе, отец гордится, что научился управлять домашними девайсами вот так по-современному, сам взял чашку, едва черная струйка пахучей черной жидкости оборвалась.

– И все-таки тревожусь, – признался он.

– За мир во всем мире?

– За тебя, – ответил он. – Это ты мой мир во всем мире. Я дикарь, для меня ты все-таки дороже других, хотя умом понимаю, что на свете могут быть люди и лучше тебя. Но то умом, а человек живет сердцем.

Последние слова он произнес с подтекстом, сейчас начинаются дискуссии, какими будут сингуляры, горячие головы доказывают, что только умом, никаких чуйств, хватит, натерпелся, довольно, это все рудименты, хотя потом признают, что даже разум – это высшее проявление грубых инстинктов, и без них его тоже может и... не быть.

Я смолчал, не люблю споры, когда для меня все очевидно, с удовольствием пил кофе, украдкой поглядывал на экран мобильного, но у Энн какие-то задержки на работе, освободится через час, не раньше, так что кивнул отцу, и он, явно гордясь, велел кофейнику приготовить еще по чашке, а потом разрезал пахнущий яблоками пирог.

– Чем сейчас занимаешься, сынок?

– Темной материей, – сказал я.

– Да, я что-то читал, – сказал он. – Темная материя вселенной, темная энергия где-то между звезд...

Я кивнул:

– Вот-вот. Только у меня другая темная. Но ее не меньше.

– Господи, – спросил он настороженно, – ты о чем?

– Темная энергия человека, – сказал я. – Вернее, всего этого скопления существ, именуемого человечеством или человекойником. Людишки бегают вроде бы сами по себе, а на самом деле... на самом деле совсем не сами по себе.

Он спросил настороженно:

– Что, нами кто-то управляет? Смотри, не договорись до Бога или всяких там инопланетян!..

– Не договорюсь, – пообещал я. – И до всеобщего мирового заговора тоже. Я занят наукой, отец.

Он проворчал недоверчиво:

– Мы атеисты, сынок... Эта нынешняя мода, когда снова начали искать Бога, нас не должна коснуться.

– Я ученый, – повторил я с удовольствием. – Какой Бог? Я признаю только доказанные факты. И перепроверенные.

Он вздохнул:

– Я горжусь тобой. У нас на этаже восемь квартир, и почти в каждой безработные. Нет, сами так не говорят, но по мне что неработающие, что безработные... Знаю только, ты в хайтеке, а сейчас это самое то. Хотя и боюсь этой вашей сингулярности...

– Отец!

– Что делать, не угонюсь.

– Я помогу, – сказал я бодро.

Он посмотрел с неловкостью:

– Тысячи лет воспитывалась культура презрения к смерти, к готовности умереть... у меня это в крови. И вот сейчас так сразу все отменить? Я не готов.

– Отец, – сказал я мягко, – это была показуха. Вынужденная, сам понимаешь. Любому, кто красиво вещает о готовности умереть и о нежелании бессмертия, предложи сейчас вот жить сколько возжелает, куда вся философия смертности денется!.. Так ухватится, что не вырвешь обратно. Мы всего лишь ведем себя честно. И говорим честно, как чувствуем.

Он вздохнул еще тяжелее:

– Вот-вот, честно. А вся цивилизация и культура построены на лжи, сам знаешь. Говорить честно – это сразу со всеми до драки. Вы к этому готовы?

– Готовимся, – сказал я так, будто и это в моих силах. – Запреты рушатся все быстрее, люди все откровеннее. Наоборот, чем откровеннее, тем драк меньше.

Он посмотрел с сомнением:

– Какие-то вы простые...

– Мы?

– Ну да, – пояснил он чуть неуклюже, – современная молодежь. Мне кажется, мы были сложнее, одухотвореннее, что ли...

– То была не сложность, – сказал я, – или та сложность, что не усложняет, а запутывает и дает ложные ориентиры. При той якобы высокой духовности войны гремели не переставая! Истребляли друг друга везде и всюду. За веру, за честь, за Отечество, за лютеранство и против, за непогрешимость папы, за колонии, за свободы, нефть, справедливость... а сейчас, когда откровенничаем, большие войны прекратились, разве не так?

– Так, но...

Я бросил быстрый взгляд на часы:

– Прости, отец, надо идти.

Он вздохнул, но на губах проступила легкая улыбка.

– Кажется, догадываюсь...

– О чем? – сказал я с досадой.

– Гуманитарии спят дольше, – сообщил он заговорщицки, – на работу приходят позже, заканчивают тоже поздно.

– Отец?

Он в деланном испуге отстранился, замахал руками.

– Я что, я ничего! Хочу сказать, мне нравится твой выбор.

– Отец, ты даже не знаешь, кого собираюсь встретить!

– Девушку, – ответил он. – По тебе вижу. А то, что из гуманитариев, мне как медом... по салу. Сохранились же еще интеллигентные люди!

– Если гуманитарий, – сказал я, – то уже и интеллигент?

Мы обнялись, он видел, что мне нравится его похвала моей девушке. Торопился я в самом деле к Энн, заканчивает работу поздно, у них с этим строго, все проходят по старинке в девять утра и покидают офис в шестнадцать, а сегодня еще и задержалась часа на полтора.

Вообще-то, ее зовут Аня, Анна, но предпочитает сокращенный вариант, американизированный, в США даже президенты не стесняются уменьшать имена. Тот же Билл Клинтон на самом деле Уильям Джефферсон Клинтон, или в Англии был придурок из крестьянско-рабо-

чей партии Тони Блэр, он еще всегда яйца чесал, держа руки в карманах, особенно когда разговаривал с женщинами, подчеркивая свою принадлежность к лейбористам, а что, вообще-то, он Энтони Чарльз Линтон, даже англичане не помнят. Там аристократы, как и вообще культурные люди, остались только в старых книжках.

У нас пока что никто не пишет, что в Кремле встретились Вова Путин и Витя Янукович, и мне это как-то больше нравится, хотя я вроде бы не биокон, а ого-го какой продвинутый.

А вот Энн в самом деле звучит загадочно и неземно, галактическое нечто, а то привычное Анна – это же Нюрка, то ли доярка, то ли нетрезвая и донельзя измятая девочка из подворотни...

Машины впереди начали притормаживать, люди столпились на перекрестке и вздымают плакаты, я думал, что запланированный пикет насчет модифицированных продуктов, никак не привыкнут, но это оказался просто митинг в защиту прав интеллигенции и животных.

Едва миновали, поток машин снова набрал скорость, я откинулся на спинку сиденья и, включив новости, с интересом смотрел за дискуссией по поводу внедрения вертолетов в быт.

Автомобиль то набирает скорость, то сбрасывает, подчиняясь командам Дорожного Компа. Вообще-то, новшество вступило в силу всего полтора года назад, новые машины выпускают уже со встроенными системами, но я купил по бедности старенький, зато после небольшого тюнинга и переоснастки мой «жучок» не уступает супермощным карам. Их заявленные скорости в триста-четыре сотни километров могут только вызвать насмешливый вопрос: дурак, не проще было деньги бросить в форточку?

Сейчас мой идет в сплошном автомобильном потоке, где на равной скорости текут машины всех классов, и владелец «Бентли» или «Ягуара» может только утешаться особой отделкой салона, а город из конца в конец пересекаем за абсолютно одинаковое время.

На большой скорости мой «жучок» влетел в поворот, за тысячную долю секунды переговорил со всеми автомобилями на стоянке, вдруг какой желает сдать задом и выехать, пронесся в сантиметре от их блестящих задниц, красиво въехал между двумя «Опелями» и застыл в трех миллиметрах от бордюра.

Здание, где трудится Энн, похоже на гигантскую вафлю из стекла, поставленную стоймя. Блестит и сверкает, а ночью его еще и подсвечивают снизу. Я не раз раскрывал варежку от восторга, когда лучи прожекторов причудливо изламываются на крупноячеистых блоках, рассыпают блики загадочно и царственно.

Сейчас здание грозно сияет оранжевым в ожидании багрового заката, день идет к концу, хотя до вечера далеко, но нижние этажи в глубокой тени от соседних домов, подчеркнуто деловитых, без украшений, такими и должны владеть трастовые фонды.

Сканеры проверили меня еще в момент, когда машина подрулила к стоянке, она и наябедничала, кто в ней и новости с какого канала смотрит, а те быстро сверились с базой данных: работает, ни в чем предосудительном не замечен, а если и бывал, то не попадался, что еще важнее для общества, где грешки есть у всех, но рулят якобы безгрешные.

Двери передо мной распахиваются так предупредительно, что почти вижу кланяющихся придворных и слышу восторженный шепот: это он, он идет, он самый! Молодцы архитекторы, отдизайнерили, чувствуешь себя важным и значительным, а это, как уверяют специалисты, способствует пищеварению, здоровому цвету лица и активному долголетию, что теперь вдруг стало таким важным.

Огромный холл, чистый прохладный воздух, и везде хрустальный блеск, словно я в многомерном фужере из венецианского стекла. Просторный лифт стремительно вознес на нужный этаж, коридор широк, свет с потолка ровный и неотличимо солнечный, через равные промежутки на стенах великолепные картины в массивных рамах, а двери между ними выглядят как бы проходами для обслуживающего персонала этой дорогой картинной галереи.

Вдали словно из картины вышел подтянутый мужчина с широким размахом плеч, пошел мне навстречу красиво и четко, словно прусский юнкер. Я их никогда не видел, но часто слышал это выражение насчет прусскости, когда у человека... точнее, у мужчины, прямая спина, развернутые плечи и грудь вперед, да еще строгий и чуточку суровый взгляд.

Я поприветствовал издали:

– Здравствуйте, Андрей Валентинович!

По нашим меркам двадцатилетних Андрей Валентинович не просто пожилой, а уже старый, хотя выглядит и держится бодро, всегда подтянут, фигура спортивная, бицепсы мощные. Уж не знаю, как ему все это удастся, он сам упоминал про тяжелые болезни с детства и постоянную борьбу с ними, но, видимо, эта борьба и не дает расслабляться. А еще он единственный из тех, кого знаю, кто в таком возрасте мгновенно хватается все новые гаджеты и девайсы, изучает и приспособливает в жизни, в то время как я своего деда, его ровесника, кстати, даже мобильником не научил толком пользоваться.

– Привет, Григорий, – сказал он доброжелательно. – К Энн?.. Скоро закончит, но даже не в двадцать, сочувствую.

– А что случилось?

– Поправку к закону принесли, – сообщил он. – Еще в Думе не приняли, но мы должны быть готовы... Работы прибавится. Может, все-таки перейдешь к нам? Или хотя бы на полставки, если не хочешь уходить со старой? Даже волонтером можешь... Ты нам подходишь по всем статьям. Твое досье просто чудо.

Я спросил вяло:

– А что там, почитать бы...

Он ответил бесстрастно:

– Да ничего особенного. Теперь вообще нет особенных.

Я кивнул, соглашаясь, особенное перестало быть особенным. И вообще понятие компромата не существует, пережиток Средневековья. Просто всегда читать про себя интереснее, чем про других, но там наверняка не на одной страничке, а я ненавижу, когда многобукоф, этого реликта со времен финикийцев.

– Я посижу в приемной?

Он улыбнулся:

– Ты же почти свой, хоть пока и без допуска. Можешь подождать в просмотрном зале. Я скажу, чтобы шла прямо на сигнал коммуникатора, как только освободится.

– Спасибо, Андрей Валентинович, – сказал я. – Подожду, Андрей Валентинович.

Он, хотя идет в ногу со временем, терпеть не может, когда обращаются по имени, особенно этим грешат всякие с соплями до пола. Я еще раз подумал, что и на Западе раньше держались в рамках приличий и с быдлом не заигрывали, в те времена если бы кто осмелился назвать Уинстона Черчилля каким-то Винни, получил бы в морду.

В коридоре по обе стороны идут просмотрные, оттуда доносится либо стрельба, либо томные вздохи. Я кое-как отыскал пустую удлиненную комнату, в зале приглушены огни, огромный пустой экран на всю стену, приглашающе мигают огоньки, мол, включи, у нас тут такой запас запрещенных к показу...

Я сел в заднем ряду рядом с дверью. Надеюсь, Энн задержится не слишком, а то сразу заторопится домой, очень деловая и самостоятельная, а я вот хоть тоже весь из себя деловой и куда уж самостоятельнее, но не могу без нее, что-то щемит и ноет...

Работа у нее деликатная, занимается контролем над содержанием фильмов, книг, байм. Вычеркивает сцены насилия, рекомендует больше секса, юмора, здорового смеха. Можно даже возродить старую добрую традицию швыряния тортами, а вот поскальзывание на банановой коже убрать, хоть и смешно, однако можно больно удариться, а то и сломать руку, а если человек пожилой – шейку бедра...

Она же распределяет заказы на сцены, которые нужно доснять к старым фильмам взамен убранных. Я как-то смотрел «Рэмбо» в новом варианте, где Сталлоне возвращается из армии, а не с войны, как в старом варианте, его встречают враждебно и отчужденно, слишком мускулистый и сильный, не знает каких-то новых привычек, модных словечек и не одевается стильно, однако он поступает в университет, где сперва ему трудно и вот-вот бросит, но в него влюбляется одна девушка, потом вторая, третья, он находит второе дыхание и успешно сдает сессию, а потом вообще поражает преподавателей тягой к знаниям.

Заканчивается тем, что две девушки, не поделив его, поселяются с ним вместе в одной комнате в общежитии, поставив там широкую трехспальную кровать. Я смотрел придирчиво, но компьютерная графика на такой высоте, что даже помня оригинальный фильм, я не мог найти места переходов от «старого» к «новому».

В других отделах этого Бюро, хотя это давно не Бюро, а огромный комбинат, переписывают учебники истории и вообще все документы, так как недопустимы описания побед одного народа над другим. Это может вызвать нехорошие настроения у молодежи, что особенно чувствительна ко всем проявлениям несправедливости.

Целый этаж занят специалистами, что выискивают в старых книгах, в новых, газетах и сети анекдоты, в которых участвуют чукчи, армяне, американцы, евреи, русские – это может вызвать ощущение неполноценности одних народов и превосходства у других, а такое в демократическом обществе недопустимо.

Более того, замеченные в общественных местах рассказывающими такие анекдоты подвергаются сперва крупным штрафам, затем их понижают в должности и постепенно переводят на самые низшие ступени общества. Если же и там продолжают – тюрьма, исправительные лагеря, а в наиболее тяжелых случаях показано принудительное лечение.

Вышло дополнение или подзаконный акт, скоро вступит в силу, в котором предусмотрено, что такое же наказание вводится и для тех, кто подобные анекдоты рассказывает дома при гостях, если их больше трех человек.

Приоткрылась дверь, заглянул младший консультант Валентин Юдаркин, отыскал меня взглядом.

– Вот вы где, – сказал он таким сладким голосом, что я увидел, как потек под жарким солнцем свежевыкачанный мед. – Здравствуйте!.. Мы уже закончили, Энн сейчас примет душ и спустится.

– Спасибо, – сказал я.

Он мельком взглянул на экран:

– А, кастрированное кино...

Я взглянул с любопытством, неужто оппозиция в самом сердце комитета по цензуре, да быть такого не может, тут же такие проверки...

– Вы против?

Он отмахнулся.

– Сейчас набирает силу мнение, – сказал он с пренебрежением, – что все эти мелкие и частные запреты и переделки старых фильмов ничего не дадут. Дескать, нужно просто запретить историю! Не только преподавание, но изъять все учебники, пособия, даже самые красивые и гуманные фильмы...

– Ого, – сказал я, – да вы ястреб! А почему изъять лучше, чем переделывать?

Он развел руками:

– В каждом фильме и романе какой-то народ, умный и замечательный, гордо и мужественно отстаивает независимость от другого, вероломного и подлого, не так ли?.. Это было нормально в эпоху создания тех книг и фильмов, но сейчас, когда живем бок о бок с тем народом, просто неловко за те произведения. Лучше их спрятать подальше на самую дальнюю полку, а то и вовсе избавиться... Стереть, если в электронном, сжечь – если бумажные или

пленочные. Хотя я бы не хотел, мне осталось полгода до пенсии, а переквалифицироваться снова уже сил нет...

Он исчез, я прислушивался к его удаляющимся шагам, мир меняется стремительно, отец прав, многие не успевают, и эскалатор прогресса сносит их вниз, вниз.

Глава 3

Я как-то не так сдвинулся или вскинул руку, чтобы почесать в затылке, экран тут же засветился и, выполняя мою невольную команду, в стремительном темпе раскрылись папки и подпапки с фильмами: готовыми, наполовину сделанными, только лишь поступившие, можно сравнить варианты, добавить, убрать, изменить...

Слева побежали краткие аннотации к фильмам, чересчур чуткая здесь аппаратура, вообще не должна бы откликаться на меня, я же без допуска, или же так пытаются меня привлечь к работе?

Хорошим делом занята Энн, а то уже тошнит от вампиров, нечисти, благородных киллеров и высоконравственных проституток...

Судя по количеству убитых маньяками в детективных романах и фильмах Англии, все население этой страны было истреблено два-три раза. А если подсчитать всех убитых, задушенных, утопленных, отравленных в телесериалах, то каждого жителя убивали раз по десять. Это в американских фильмах почти у каждого героя в автомобильной катастрофе погибла либо жена, либо муж, а уж кто-то из родителей почти обязательно, но англичане предпочитают гибнуть от руки маньяков.

Я не успел выбрать, что посмотреть, как в коридоре спокойно и ровно простучали каблучки. Мое сердце подпрыгнуло ликующе, жизнь вернулась, мир прекрасен...

Я пулей вылетел из зала, заранее улыбаясь во весь рот, счастливый и трепещущий. Она идет ко мне по коридору в своем простом платье от Чаччи, сдержанно элегантная, спокойная, умная, дружелюбная, и сразу же при виде ее в моей груди сладостно и тревожно заныло. Энн не нуждается во мне, вообще не нуждается в ком-либо, у нее любимая работа, свои интересы, ей не нужен даже принц на белом коне, и чего это я, как дурак, расшибаюсь у ее ног без всякой надежды...

На ресничке поблескивает крохотная капля росы, я распахнул объятия, ухватив с жаром, бережно снял губами эту драгоценную жемчужинку.

Она чуть отстранилась в удивлении:

– Ты чего такой... сентиментальный?

– Не знаю, – ответил я, – оно само!

Мягко, но настойчиво она освободилась из моих рук, мы пошли к выходу, я ловил ее запах, едва ощутимый, хотя в моде мощные гормональные, что заводят мужчин в радиусе двух метров.

Ей это не нужно, она вот идет рядом и не ловит взгляды встречных самцов, хотя с ориентацией у нее все в норме, сама целый мир, я видел не раз, как к ней подкатывались всякие красавцы, но их глупые шуточки и пикапные приемчики вызывали у нее лишь снисходительную усмешку.

На улице яркое солнце, тротуары политы холодной водой, и в них отражается темно-синее небо с оранжевыми облаками. Блестят стены домов, блестят проносящиеся по улице автомобили, блестят широкие наклейки на рубашках, у многих эти гибкие экраны даже на брюках, но там новости можно смотреть, разве что забросив ноги на столешницу, а в машине проще перевести взгляд на экран напротив или чуть сбоку.

У женщин таких наклеек куда больше, это у нас они просто дисплеи, а у них в первую очередь – бижутерия, даже встроенные в кольца на пальцах видеокамеры, мобильники, диктофоны и прочие гаджеты.

Мой автомобиль приглашающе мигнул фарами и распахнул перед нами обе дверцы.

Я сказал ему сердито:

– Гад, не смей так больше делать!

Энн в удивлении вскинула брови:

– За что ты его так?

– Я сам хочу распахивать перед тобой дверь, – объяснил я.

Легкая улыбка скользнула по ее губам, я все же придержал дверцу, пока она садилась, потом сам закрыл, а уж затем торопливо перебежал на другую сторону и рухнул на свое место рядом.

Автомобиль легко и умело выкатил со стоянки, сообщив правому ряду машин, что вот он щас встроится к ним, пусть чуть ужмутся, и они в самом деле ужались, да так незаметно, что и мы с ходу вошли в ряд, и скорость потока не сбавилась больше, чем на пару секунд.

– Что так долго? – спросил я.

– Работы прибавится, – ответила она. – Из Думы пришло сообщение, что наверняка будет принят закон, ужесточающий наказание за неподобающее поведение с животными. Теперь контроль за такими фильмами будет на мне.

– Так у вас же за этот сектор отвечает Лида?

Она покачала горловой:

– Уже нет. Забрали в другой отдел.

– Какой?

– Не знаю, – ответила она легко. – Но на своем месте она не то чтобы не справлялась, однако... ну, как бы сказать... слишком уводила изменения в сторону секса. А здесь необходимо строгое равновесие. Не увлекаться...

Я смотрел на нее с нежностью.

– А как ты?

– Не увлекаюсь, – ответила она ровным голосом.

– Сексом?

– И сексом тоже, – сообщила она чуть недовольным голосом. – В нашей работе особенно нужно знать меру. И обладать чувством вкуса. У Лиды со вкусом было все в порядке, но вот темперамент...

Я спросил, поддразнивая:

– А ты что, ледышка?

Она отвела взгляд:

– Давай я отвечу сразу на твой вопрос, который ты еще не задал, а держишь наготове. Я вообще не люблю вязаться, понимаешь? Видимо, каких-то гормонов недостает. Нет-нет, я обычно подставляю вагину и анус почти всем из нашей конторы, кто хотел бы в них подолбиться, но это больше для того, чтобы не выглядеть какой-то... подозрительной, понимаешь? Сейчас если не раскованная, то чуть ли не террористка!

– Еще бы, – сказал я с горечью, удивившей меня самого. – Мы только на словах бунтари, а так еще те конформисты.

– Ну да, – сказала она с облегчением, – хорошо, пока хоть озабоченной выглядеть не обязательно. Хотя озабоченные считаются самыми стабильными и устойчивыми членами любого общества.

Она говорила очень серьезно, как ребенок, недавно усвоивший эти понятия и старательно выговаривающий новые для себя слова.

Я смотрел с нежностью.

– Увы, да.

– Ну вот, – сказала она уже легче, – извини, что огорчила откровенностью. Мне в самом деле интереснее моя работа, чем вязаться и орать это «Ja!», «Ja!», «Ja!».

– Сейчас вместо нашего русского «Ja!», «Ja!», «Ja!», – уточнил я, – кричат «Yes!», «Yes!», «Yes!». Наверное, тебя это удивит, но я тоже не сдвинут на этом деле. И тоже люблю посидеть. Только не за редактированием фильмов...

– Но и не перед жвачником?

– Перед микроскопом, – ответил я.

Она сказала с сочувствием:

– Ну вот, двое ненормальных...

Я ощутил себя чуточку задетым, заговорил, оправдываясь:

– Нет, у меня все в норме, вот и пенис, смотри, как раз по стандарту, даже на сантиметр длиннее, хотя я ничего не делал, правда! Просто... когда вижу такой удивительный мир под окуляром микроскопа...

Она посмотрела без интереса, да и что там может быть интересного, предложила уже веселее:

– Вон летняя кафешка! Поедим мороженого?

Она даже сказала это ровное и правильное «поедим», а не пожрем, похаваем, полопаем, потрескаем, очень вся ровная, все-таки не конформистка в нашем суетливо приспособляющемся мире.

– С удовольствием, – откликнулся я.

Автомобильчик припарковался ловко и умело на той скорости и точности, которую от человека ждать нельзя, Энн вышла спокойно и ровно, никому не демонстрируя вторичные и первичные половые, не стреляя глазками в проходящих мимо мужчин, самодостаточная и знающая себе цену.

Кафе даже не кафе, а вынесенные на тихую часть улицы столики, даже не прикрытые навесом, все в старом стиле, столешница – просто столешница, а не экран, на котором можно вызвать меню и заказывать, тыкая пальцем, вызывая справки насчет компонентов, как приготовлено, сколько калорий и какой процент холестерина, а стулья просто легкие стулья, цельные, без регулировки по высоте и наклону.

Я заказал бараньи ребрышки и большую чашку кофе, но принесли все так быстро, что усомнился: приготовили или кто-то отказался, а сунули мне?

Энн посматривала на меня с интересом, уловив колебания, но мясо оказалось прекрасно прожарено, свежее, хотя с нынешними технологиями хранения такое уже не определишь, я начал есть с удовольствием, даже лопать, кофе выпил с наслаждением, а когда перед нами поставили в тонконогих высоких вазочках нежно-белые горки мороженого, похожие на взбитые кучевые облака, я ощутил, что да, успел проголодаться, но теперь жизнь прекрасна, хотя и точит один неприятный червячок...

Человек развивается слишком быстро, из-за чего вступает в противоречие со своими же нравственными установками. К примеру, читать чужие письма нельзя, но публикуются и комментируются, истекая слюнями, глубоко личные письма Пушкина, Байрона, все согласны с тем, что раскапывать чужие могилы – омерзительно, однако в почете грабители могил, называющие себя археологами...

И хотя умом понятно, что ревность – пережиток темных веков, когда секс был небезопасен, то есть, если женщина даже от единоразовой связи с другим забеременеет, то в ее чреве будешь выращивать чужого ребенка и тем самым кому-то обеспечивать бессмертие, однако все равно грустно, если не сказать больше, что ее на работе время от времени мнут чужие руки, что с охотой или без с кем-то вяжется, и хотя мне совсем нет угрозы выращивать чужой генетический материал, но вот это дикое наследие очень уж дает о себе знать и очень даже портит настроение...

Она внимательно посмотрела на меня поверх края вазочки:

– Ты что-то посерьезнел... даже помрачнел. Что-то случилось?

Я указал взглядом на участок дороги в трех-четыре шагах. Туда с дерева слетел воробей, внизу по асфальту ветерок лениво гонит пару длинных ярко-желтых волос, блеснули на солнце так ярко, что сразу вспомнил легенду о золотых волосах Изольды.

Воробей торопливо подхватил сокровище, то ли женские, то ли из театрального реквизита, и, часто-часто хлопая крылышками, стремительно взлетел и пропал в тугом переплетении веток.

Помню, в детстве я сидел на крыльце деревенского домика у бабушки, грелся на весеннем солнышке, а с крыши то и дело торопливо слетали две птички, воробьи, наверное, и спешно собирали на дорожке сухие травинки.

Я поразился, с каким азартом они перебирают их, выхватывают подходящие по длине, и, часто-часто трепеща крылышками, взлетают под крышу. Бабушка сказал, что там вьют гнездо, а потом в нем выведут птенчиков.

Как-то я взобрался по лестнице и заглянул в укромное место, прежде всего поразился, как умело эти крохотные птички сплели гнездо из травинки, очень удобное, уютное и теплое.

Энн проследила взглядом за воробьем.

– И... что?

– Знаешь, – сказал я неожиданно даже для себя, – а давай вместе вить гнездо...

Она в удивлении вскинула брови:

– Гнездо? Какое гнездо?

– Для жизни, – объяснил я и понял, что несу какую-то чушь, сейчас жить можно где угодно. – Я хочу лечь с тобой и проспать с тобой.

Она хмыкнула:

– Для этого разве нужно гнездо? Или тебе негде жить? Тогда проще перебраться ко мне и перебыть нужное время. Пока подберешь подходящую.

– У меня есть квартира, – ответил я. – Своя. Хорошая.

Она посмотрела на меня очень внимательно:

– Ты что, такой традиционалист? По тебе бы не сказала.

– Почему?

– Ты занимаешься какими-то научными работами. Хайтековец?

– Да.

– Ну вот, а вы должны быть впереди планеты всей.

– То работа, – ответил я. – А эмоциональная составляющая... гм... пока живу в этом теле из костей и мяса, лучше буду с ним уживаться, чем бунтовать, как святой Антоний, и тратить силы на умерщвление плоти.

Она выглядела озадаченной.

– Трансгуманисты, как я слышала, решают эти проблемы просто мастурбацией, не сходя с рабочего места. Или не вылезая из ванны.

– Я тоже, – признался я. – Но мне кажется, это кратковременное решение для таких простых, как я. Только подвижники могут так всю жизнь, целиком отдаваясь науке или чему-то еще, а нам все-таки надо, чтобы нас хоть иногда любили.

– Нужен ответ, – сказала она понимающе, – да инженеры пока только берутся за эту деликатную проблемку, хотя наука уже сказала, как и что делать.

– Ты увиливаешь, – уличил я.

– Наверное, – согласилась она. – Наверное, потому, что ты хочешь получить ответ...

– Уже не хочу, – ответил я поспешно. – У тебя такое лицо...

– Какое?

– Будто сейчас ударишь.

– А ты уже и струсил?... Ладно, Грег, я просто не готова. Начинать вить гнездо в нашем возрасте... просто дико, не находишь? Нам обоим повезло, у нас есть работа, это при нынешней сорокапроцентной безработице... ты хочешь, чтоб я ее потеряла?

Я подавленно промолчал, она права, мы счастливы. Уже сейчас трудоустроена, как говорят чиновники, только половина населения, усиливающаяся автоматизация каждый день

выталкивает на улицу сотни тысяч человек, президенты и премьеры всех стран бьются головами о стены, стараясь хоть чем-то занять народ. Шестьдесят процентов работающих, это вовсе не значит, что все шестьдесят работают, как сказали бы в старину, когда обслуживающий персонал если и считался работающими, то как бы людьми второго сорта, а сейчас менее трех процентов заняты в производстве, примерно семь процентов заняты в науке и хай-теке, а остальные либо всевозможные парикмахеры, стилисты, визажисты, дизайнеры, инисты, абигисты, флористы и прочие менеджеры менеджеров... Из заводов, фабрик и офисов не выходит масса народу, как в старые времена, да еще все в один час. Вообще о заводах и фабриках имеем смутное представление, все автоматизировано, даже в офисах по большей части пусто, большинство работают удаленно, широкополосная связь позволяет сохранять эффект присутствия.

Официант, молча угадав наше настроение, принес еще мороженого, совсем что-то фантастическое, настоящие средневековые башни с зубчатыми стенами и крохотными флажками из красного шоколада.

– Если хочешь повязаться, – предложила она, – то давай, если это поднимет тебе настроение.

– Вязка не поднимет, – ответил я.

– А что?

– Не знаю, – сказал я. – Наверное, только ты в моих объятиях.

Она улыбнулась:

– В твоих руках, в смысле? Твоей полной и безраздельной власти? Что-то мне кажется, ты не хайтековец, а как раз медиевист. Тебе бы феодалом быть, а женщина чтобы в чадре...

– У них женщины в чадре не ходили, – возразил я, – хотя да, платок был обязателен...

Энн, я все равно тебя добыю! Я упорный.

Она задорно улыбнулась:

– Посмотрим!

Глава 4

Энн участливо предложила мне заехать на обратном пути в любой из клубов по дороге, где собираются любители одноразового секса с незнакомцами, там спросить имя или попросить номер телефона считается дурным тоном, я отказался, отвез ее, а сам вернулся домой и сразу же ввалился в спальню, где и рухнул, не раздеваясь, на постель.

В другой комнате через распахнутую дверь видно спортивную скамью, набор гантелей и даже беговую дорожку, а в дверной проем вделана перекладина. Был такой период года три тому, вдруг почему-то устыдился своей не весьма фигуры, но качаться оказалось трудно и нудно, а у меня всегда, едва беру в руки тяжелые гантели, в голову стучит здоровое: одурел, ты же умный, у тебя же голова, а ты что развиваешь? Что ну уж совсем не понадобится при сингулярности!

Сейчас тоже попытался представить себе этот быстро надвигающийся мир, о котором большинство жвачных даже не имеют представления, но перед глазами стоит прекрасное в своей неповторимой чистоте и доброте лицо Энн, а в черепе больно стучит, как дятел железным клювом, вопрос: ну почему? Что я не так делаю?

На боковой панели жвачника вспыхнул зеленый огонек вызова, номер Вертикова, одного из моих работников.

Я сказал вяло:

– Связь.

Через мгновение на весь экран появилось его широкое потное лицо, он сперва всмотрелся в меня, человек очень предупредительный, заговорил участливо:

– Я не потревожил? А то смотрю, ты почему-то дома, но не спишь...

– Не сплю, – подтвердил я. – Это я мыслю.

Он сказал бодро:

– Это хорошо, у нас на тебя вся надежда. Помнишь, ты говорил, что хотел бы тоже коттедж купить?

– Уже не хочу, – ответил я хмуро.

– И правильно, – сказал он. – Я столько намучился с этим гребаным ремонтом! Представляешь, купил такой милый загородный домик, думал и зиму там пробуду, а там холодина, как на Колыме! Вызвал умников, отодрали окна, а там щели в два пальца шириной!.. И так все до единого!.. А сегодня прочел, что Абрамович купил дворец за триста миллионов долларов, сердце прямо рвется от сочувствия. Это ж сколько там окон ему придется бедному конопатить?..

Я сказал брезгливо:

– Что за человек такой жалостливый? То Памелу Андерсен жалел, что не сможет играть на баяне, теперь вот слезу роняешь из сочувствия к Абрамовичу... Говори, чего звонил?

– У тебя лишней матки кампанотуса не отыщется? – спросил он. – А то моя совсем мало яиц откладывает. Боюсь, скоро помрет.

– А как ты подсадишь новую? – спросил я.

Он отмахнулся:

– Да придумаю. Либо их запахом обрызгаю, либо еще как обману... Снабдишь твоего верного оруженосца?

– Снабдю, – ответил я.

– Отлично, – обрадовался он. – Завтра в офисе передашь?... Покажи, как они у тебя сейчас.

Я слез с дивана, взял мобильник и повернул его камерой в сторону стены, что от пола до потолка в формикариях и мирмекариях разных конструкций.

– И где они? – спросил он.

– Смотри лучше, – сказал я насмешливо. – Ты их от фуска хоть отличаешь?.. Позумь, пройдишь поиском...

Он сопел и пыхтел, пытаясь рассмотреть матку получше, у меня она откладывает яйца, как скорострельный пулемет, а я вспомнил, как все это начиналось.

В школу я пошел в шесть лет, как все, в шестнадцать лет в универ, тоже как большинство, однако на третьем курсе опубликовал ряд работ по обмену информацией между амебами, затем нашел новый подход к изучению трофаллаксиса у муравьев и дал ему иную интерпретацию, резко отличающуюся от классической. Я был удивлен, когда через три месяца в универ зашел некий господин, с которым очень почтительно разговаривал ректор, и сразу же обратился ко мне с вопросом, почему это я сделал такие странные выводы.

Я повел домой, где муравьи живут в формикариях, мирмекариях, в трехлитровых стеклянных банках, в древесных пнях и даже в цветочных горшках, к тихому ужасу моей добрейшей мамы, что ни в чем мне не перечила.

Господин посмотрел, поудивлялся, выслушал мои объяснения, а на другой день ректор вызвал меня и сообщил торжественно, что благотворительный фонд по развитию науки имени Билла Клинтона выделяет мне грант на самостоятельные исследования.

Я сперва ошалел, с именем Фонда Клинтона связана прежде всего поддержка работ, направленных на предельное увеличение продолжительности жизни. Отец что-то рассказывал еще про какую-то практикантку, но это мне совсем неинтересно, это для старых бабок любопытно и тех, кто читает в инете, какой размер бюста у Ани Межелайтис, а вот то, что бывший президент распоряжается многомиллиардным фондом...

Так что Энн не совсем права, я уже не студент, хотя, конечно, в нашем возрасте теперь вступают в брак разве что в самых глухих аулах Африки.

Лишь через год я узнал, чем так заинтересовала спонсоров моя статья в научном строго специализированном журнале. Я высказал догадку, что как муравьи вместе с пищей передают друг другу феромоны, они же гормоны у людей, то они связывают муравьев в одно Сверхсущество, потому беспомощный муравей с одним-двумя ганглиями в мозгу оказался способен развивать скотоводство, земледелие, ирригацию, селекцию животных, он единственный, кроме человека, воюет с себе подобными и даже захватывает военнопленных... У людей, как я предположил в заключительном абзаце, возможно, существует тоже еще нечто помимо хорошо изученных средств коммуникации вроде речи и языка жестов, но оно от нас пока что скрыто, как была в неизвестности темная материя, которой, как оказалось, во много раз больше нам известной, в которой мы живем как рыбы в воде.

Этот пассаж, как я понял, и вызвал ко мне интерес. К этому времени я и сам уже ощутил азарт, что-то слишком уж много таких странных моментов в поведении человека и всего человечества, что можно объяснить только наличием некой общей системы, связывающей все человечество в единое целое, единое Сверхсущество, о котором мы, люди, даже не подозреваем.

Администратор из меня неважный, но все же я сумел на полученные деньги снять помещение, закупить оборудование, под моей нетвердой рукой работали сперва трое сотрудников с вполне пристойными окладами, затем – пятеро. Главное, все, как и я, тоже малость сдвинуты на этой теме и работают всерьез даже тогда, когда не смотрю в их сторону.

В основном пока что проверяем на муравьях новые гипотезы по социобиологии, кин-отбору, правилу Гамильтона и эволюционно устойчивых стратегий развития, но уже дважды с успехом выступали с докладами на Международных мирмекологических симпозиумах: первый раз о метаэвристической оптимизации поведения муравьев, что дает самый эффективный полиномиальный алгоритм поиска на графах, а второй, что вызвало наибольший интерес, варианты поиска «темной материи» в коммуникациях муравьев, что делает их, по сути, единым существом.

– Классно, – сказал Вертиков с завистью, – а молодая самка сможет откладывать яйца без брачного лёта?

Я сказал ехидно:

– А ты им лёта не обеспечишь?

– Как? – спросил он. – Это же надо еще и тыщи самцов! И чтоб летали хотя бы по комнате. А они летают, как слоны с крыльями. Все время в чай падают.

– Чудак, – сказал я, – пил бы кофе.

– Что, – спросил он с надеждой, – летать станут лучше?

– Нет, – пояснил я, – запаха кофе не выносят... Ладно, завтра приедешь ко мне домой. Что-нить придумаем. Люди кого угодно обманут. Даже муравьев, они ж такие честные!

– Спасибо, Григорий Витальевич!.. Ой, мне ж еще тетрамоориумов кормить надо!

В вопле было столько паники, что я спросил озадаченно:

– Это как? У тебя не на автомате?

– У меня южно-курильские, – объяснил он. – Они так часто и необъяснимо меняют поведение, что алгоритмы еще не нащупаны.

Я промолчал, мне всегда казалось, что у каждого вида сходные нормы поведения, а чтобы их изменить, нужно очень много лет. С тех пор как открыли, что искать разум у дельфинов и касаток – глупость, волна поиска интеллекта у других видов на время угасла, но мы изо дня в день долбили и публиковали статьи в научных и даже в популярных изданиях, что муравей с его рекордно малым мозгом, в одну-две ганглии, все же сенсационно разумен. Правда, не сам муравей, а сообщество муравьев. Но ведь и человек в изоляции от людей вырастает диким животным, если вспомнить истории подлинных маугли.

Постепенно начал появляться интерес к этим крохотным существам, а немногочисленные держатели формиариумов ощутили себя в центре внимания. У них начали брать консультации, патентовать их разработки на содержание муравьев в домашних условиях, а крохотные фирмы, что специализировались на отлавливании и разведении муравьев для любителей, мгновенно разрослись в процветающие транснациональные компании, что брали на себя все, начиная от первичных консультаций до подбора муравьев любых видов, изготовления формиариумов самых причудливых конструкций, даже уборки за муравьями мусора, если сами муравьи почему-то не справлялись.

Затем Intel, чутко откликаясь на любые запросы населения, выпустил специализированные чипы, что не только автоматически поддерживают в формиариумах заданные уровни влажности, температуры, проветриваемости и прочих бытовых удобств, именуемых проферендумами, но и меняют их, чутко улавливая «желания» и растущие потребности муравьев.

Для большинства населения оказалось шоком давно известное мирмекологам и любителям муравьев, что эти существа не только занимаются охотой, но еще и пасут скот, охраняют его, доят, занимаются селекцией, оставляя только наиболее «молочных», а остальных отправляя на бойню. И что у них существуют закрытые плантации грибов, где выращивают такие богатые ценным белком формы, что все еще недоступны человеку, и многое-многое другое, день за днем раскрываемое перед глазами изумленных человечков, начинающих подозревать, а не умнее ли нас муравьи вообще...

Те немногие любители муравьев, что числились в чудаках, сразу стали уважаемыми членами общества, к ним обращались за консультациями, у них брали интервью, их таскали по конгрессам и сажали на почетные места за главным столом.

Конечно, для массового увлечения муравьями решающую роль сыграли миниатюрные видеокамеры, встроенные в формиариумах на аренах, в гнезде матки, на складах, в камерах выращивания молодняка, в гидропонических садах, подземных плантациях тлей...

Когда любой уголок муравейника можно вывести на широкий экран и наблюдать во всех подробностях удивительную и такую сложнейшую социальную жизнь, то даже самые ленивые

обыватели предпочитали такой муравейник на дому осточертевшим кошечкам, попугайчикам, рыбкам и прочей простейшей ерунде.

Да и удивительная красота муравьев, этих закованных в блестящие латы рыцарей насекомого мира, их повадки, их изящество, сдержанная и вместе с тем яркая расцветка, все это приковывало внимание так, что даже самые стойкие в увлечениях, фанаты байм, часто целыми кланами и легионами возвращались в реальность, чтобы без перехода уйти с головой в этот странный и немыслимый мир...

– Не опаздывай, – сказал я. – А то что-то начинаете забывать дорогу в контору.

– Шеф! Да я почти каждый день...

– Ты живешь рядом, – уличил я, – а вон Люцифер с другого конца города каждый день ездит!.. Все, до встречи в офисе.

Он торопливо поблагодарил за помощь и отрубил связь, явно обрадованный, что шеф не побил, а я посмотрел на часы, хорошо бы поспать, но сердце бьется учащенно, во рту горечь, какой там сон, проворочаюсь до утра.

Пылесос, тихо урча, ходит по комнате, чистит, моет, а в дальние уголки, куда не может пролезть, трудолюбиво протягивает трубочку и старательно вытягивает пыль и мусор, хотя по новейшим данным их нужно оставлять, так как человек родился и жил миллионы лет в грязи, а возникшая мода на чистоту привела к массовым астмам, аллергиям, заболеваниям бронхов и даже к раку.

Мама моя, когда я жил еще в родительской квартире, всегда сокрушалась, что не может его кормить, как кормит птичек, дикую ласку, всем им она настроила на дальнем конце двора домики с крышами от дождя и снега. Она бы и Федюнчика, так назвала пылесос, чем-нибудь бы кормила и радовалась, глядя, как он ест, ест! Но увы, он подползает к розетке, втыкается вилкой и тихо дремлет.

– Да что это со мной? – сказал я зло. – Человек я или тля дрожащая?

В моей аптечке уйма ноотропов, что стимулируют мышление, заставляют мозг работать хоть на все сто, а в экстремальных случаях вообще прибегаю к энергетикам из первой группы, всяких там успокаивающих и расслабляющих нет вовсе, но я хорошо знаю, что из чего состоит, и, если разобраться...

Увы, проще оказалось позвонить в ближайшую аптеку, таблетки принесли через десять минут, я проглотил сразу две и вскоре отключился.

Глава 5

Выныриваю из сна всегда медленно и сладостно, так положено, хотя организм требует вскочить и куда-то бежать, суетиться, рыть норку, запастись добычу в кладовочках, искать партнеров для размножения, да побольше, побольше...

На экране высветились данные, на которые мне обращать внимание пока рано: артериальное давление, частота пульса, наполнение, щелочной состав крови и множество такого, что понадобится знать разве что в глубокой старости.

Правда, до старости всем нам, скорее всего, просто не дожить. На пороге пугающая реальность, которую все чаще обсуждают в кругах интеллектуалов, в то время как основная масса обсуждает футбольные матчи и ходит в церковь.

Медленно и очень неспешно, как утренняя заря, засветился экран, это чтоб меня не слишком потревожить после сна.

Я прокашлялся, а то со сна хриплю, как старая ворона, сказал:

– Можно.

Мгновенно появилось изображение, это Кириченко, он деликатно сделал вид, что не замечает, в каком я виде, Корнилов или Люцифер обязательно бы состригли, а он сказал вежливо:

– Шеф, как насчет посещения сегодня офиса?

Я буркнул:

– А когда я пропускал?

Он сказал чуточку виновато:

– Ну, вам, как великому начальнику, можно себе такое позволить... Но сегодня ваше присутствие как бы желательно.

– Что случилось?

– Я нашел вариант, – ответил он, лопааясь от раздувающей его скромности, даже глазки опустил, как тургеневская девушка при виде фонтана с писающим мальчиком, – как повысить чувствительность мерометра.

– Намного?

Он ответил с королевским достоинством:

– Почти на порядок.

– Ого, – сказал я, – бегу. Что-то нужно?

Он лицемерно вздохнул:

– Ничего, шеф. Ничего, кроме... денег. Но что деньги, когда мы сами золото?

– Золотые слова, – ответил я. – Через час буду.

Умный дом снова пытался изменить мой режим питания, но я твердо указал, что крепкий горячий кофе с сахаром на пустой желудок – прекрасно, и нечего там, понятно, умные все стали, я сам знаю, что мне лучше, а лучше то, что лучше, вот и все, разговор окончен, выполняйте, сержант!

Пока спускался в лифте, автомобиль завелся, почистился, включил телеприемник на моем любимом канале для умных, а когда я направился к нему, услужливо распахнул дверь слева.

– В офис, – велел я и сразу же включил телепута, пока добираюсь лично, могу походить им и посмотреть, кто чем занят, даже перебрать те распечатки, что появились на моем столе. – Можешь через мост, ночью починили.

– Знаю, – ответил автомобиль милым женским голоском, мне почудился обиженный оттенок, – я данные о дорогах и пробках получаю в первую очередь.

– Извини, – сказал я. – Это ничего, что я с тобой еще не...?

– Вопрос непонятен, – ответил голосок.

– Проехали, – сказал я с облегчением. Фанаты тюнинга чего только не вытворяют со своими автомобилями, некоторые обращаются с ними уже как с секс-куклами, даже кое-что приспособили. – Возле банка остановишь, что-то у меня платеж не прошел...

– Принято.

В банке я потратил еще с четверть часа, пришлось дойти до старшего менеджера, тот сперва напирал, что у них такие случаи исключены, потом вызвали управляющего, этот нехотя признал, что иногда такое случается, хоть и крайне редко, сейчас займемся выяснением, а вы пока можете получить любую сумму в пределах своего счета...

Я объяснил, что мне надо не получить, а отправить, после чего со мной стали разговаривать втрое любезнее.

В офис я поднялся с некоторым опозданием, все на местах, серьезная деловая обстановка, ко мне повернулись с таким видом, словно тут и ночевали.

– А, шеф явился!.. Смотрите, шеф!

Я проворчал грозно:

– В чем дело?.. Как будто я был здесь не вчера, а в прошлом году!

– Это мы так по вам скучаем, – сказал Люцифер подчеркнуто подхалимски, еще и задом повилил за неимением хвоста. – Шеф, Кириченко просто визжит от вожделения...

– Очень хорошо, – ответил я, – скоро вы у меня все завизжите.

Кириченко скромно покашливал из своего угла, но глаза горят нетерпением. Поймав мой взгляд, указал на середину стола, там башенка, настолько хрупкая, что даже если муха пролетит за окном, тут все рухнет.

– Шеф...

– И что? – спросил я с недоверием, – в самом деле... работает?

– Пока только теоретически, – ответил он осторожно, – у нас же только одна подопытная мышь.

– Мышь, – буркнул я, – мелко мыслите, молодой человек. Когда до лабораторной крысы повысите?.. Ладно, давай испробуем.

– Как скажете, шеф, – сказал он подчеркнуто почтительно.

У него несколько особый статус в лаборатории, хотя все мы и стараемся о нем забыть: Кириченко – мультимиллионер, благодаря пустяковому, вообще-то, изобретению, которое даже изобретением большинство не признает. Как-то он, бреясь безопасной бритвой и время от времени подставляя ее под струю воды, заметил, что вода бежит в основном, вообще-то, впустую.

Большую часть процесса занимает выскребывание морды, а споласкивание – пару секунд. Вода же бежит все время, он придумал нехитрое устройство, крохотное и не требующее подзарядки, так как заряжается от выбегающей струи. Оно дает воду лишь в момент, когда опускаешь под трубку вот так бритву, ложку, руки или что угодно, и тут же прерывает струю, как только предмет исчезает из поля зрения фотоэлемента.

Экономия на самом деле громадная, так как обычно хозяйка открывает кран на всю мощь, а потом начинает по очереди брать со стола чашки и споласкивать, и вообще вода обычно льется впустую, к этому привыкли и не замечали. Штука Кириченко в производстве оказалась крайне простой, в продаже дешевой, устанавливает ее с легкостью даже самая тупая домохозяйка, так что быстро вошло в быт, а он в первый же год стал миллионером, а затем и мультимиллионером.

К счастью для него азарт придумывать что-то новое, а старое упрощать и делать легким, не ушел, он все так же что-то патентует, что-то просто усовершенствует, мозги у него оказались так устроены, что постоянно придумывает, как улучшить то, на что падает взгляд, а деньги интересуют так мало, что ничуть не изменили его вкусы или образ жизни.

Он и к нам пришел, предложил услуги за так, я сперва отказался, бесплатных работников тоже хватает при нынешней безработице и сравнительном благополучии, но он показал список своих работ, меня впечатлило, и с того дня он в своей стихии, так как нам все время требуются новые приборы, каких в мире еще не существует. И новые методы измерения.

Мой кабинет отделен от остальной части помещения толстенной кирпичной стеной с двойной изоляцией. Это не столько потому, что начальник, просто здесь за дверью еще одна крохотная комнатка, где, кроме стола, стула и большой ванны, ничего лишнего, и пока Кириченко набирает теплую воду и замеряет уровень растворимых в ней солей, я вспомнил, как и почему к этому пришел.

Человек проживает стадии эволюции не только в чреве матери. Там он проживает животную, а после рождения – социальную: пещерную, рабовладельческую, феодальную, эпоху великих открытий... Сам делает открытия, к примеру, что существует только то, что видишь или чувствуешь, а как только, например, отворачиваешься, мир за спиной исчезает. Или, если закроешь глаза, он на это время исчезает вовсе... Так вот примерно каждый третий подросток делает это открытие самостоятельно, еще не подозревая, что это лишь этапы развития, каждый двадцатый самостоятельно доходит до принципа гравитации, теории атмосферного давления и многих других вещей, что некогда были открыты с величайшими усилиями гениальнейшими умами человечества.

С той стороны раздался взрыв голосов, давно так не галдели, я поморщился, повернулся к Кириченко:

– Позовешь, когда наберется, а я выгляну, кто там пальчик прищемил...

– Погоняйте их, шеф, – сказал Кириченко усмешливо. – А то сразу танцевать на столе, как только кот за дверь.

– Я не кот, я лев.

– Истинно!

Я выглянул, в главной нашей окружили Урланиса, он бледный и с трясущимися губами верещит тонким заячьим голосом:

– ...и сразу же меня повело в сторону!.. Я ухватился за руль, а он, гад, как вмерз! Я взмок, ору, чтобы остановился, но никак не хочет, потом начал сдвигаться вправо, еще и еще, наконец влез на обочину и там заглох!.. Меня еще минут пять трясло, пока собрался с силами и позвонил в ремонтную...

– И что сказали? – спросил Вертиков участливо.

Урланис ответил зло:

– Чтоб не волновался, сигнал о неисправности получен, машина спецпомощи уже выслана! Я не успел спросить, что за спецпомощь, катафалк или пока только реамоторка, связи уже не стало. Правда, прибыли быстро, тут же заменили какой-то блок, сказали, что можно ехать... Не поверите, меня до сих пор трясет!

– Поверим, – ответил Люцифер с лицемерным сочувствием. – Мы же видим...

– И запах чувствуем, – добавил Корнилов.

– И лужа вон на полу, – сказал Люцифер.

Урланис пугливо посмотрел на пол, окрысился, увидел меня, сказал виновато и одновременно гордо:

– Шеф, у меня была авария! Чуть не погиб!

Я буркнул:

– Там сразу срабатывает предохранитель, машина благополучно припарковывается к обочине и сама вызывает ремонтников. Так что за руль садиться не бойсь, а то знаю случаи...

Он сказал уже бодрее, но с патетическим недоумением:

– Да я уже ничего, теперь другое не пойму... Ну вот откинул бы я копыта... что случилось бы с миром? А должно бы случиться! Исчез бы?.. Должен исчезнуть, раз меня нет... Но почему-

то мерещится вариант, что продолжу смотреть на него глазами других людей! Я как бы перейду в чье-то тело... Нет, я уже в нем, я говорю и про другое тело, только у нас нет связи, а тот «я» не подозревает, что этот «я» тоже он.

Люцифер посмотрел на него с подозрением:

– Ты хочешь сказать, что ты и во мне?

– Точно, – сказал Урланис. – Только ни ты, ни я этого пока не чувствуем!

Люцифер поспешно отъехал от него вместе с креслом:

– Ну, знаешь... нет во мне тебя, нет! Я – хороший.

– Есть, – сказал Урланис с убеждением. – Все люди на свете – я один. Только в разных телах. А связь прервана... что и понятно.

– Что тебе понятно?

– А то, что если молотком по пальцу попадет один, то должны бы чувствовать все? Что за кошмар был бы? Ежесекундно кто-то бьет молотком... и не только по пальцам, кто-то влетает под машину, тонет, мрет в жутких конвульсиях от рака... Такой «Я» давно бы свихнулся, потому прервать связи между мелкими «я» было очень разумно.

– Ага, – сказал Люцифер саркастически, – тогда какая разница, будешь смотреть из чужого тела ты или не ты, если этого тебя уже не будет? А там, дорогой, совсем другой человек. Так что не примазывайся к нам.

– Без сопливых обойдемся, – подтвердил и Корнилов с достоинством. Он посмотрел на меня: – Шеф, обойдемся без Урланиса?

Я буркнул:

– Я без многих из вас обошелся бы, да разве Сверхорганизм нас спросит?

Из темной комнатки выглянул Кириченко.

– Шеф, – крикнул он, – пожалте купаться! Рабынь позвать? Спинку потереть?

Урланис пошел за мной к двери следом, с жаром доказывая, что, вообще-то, умереть он не должен, это невозможно, невысказано, так не случится никогда и ни за что.

– Почему? – спросил я вяло.

– Потому что весь мир держится на мне, – объяснил он серьезно. – Все существует только потому, что существую я. Как могу себе позволить исчезнуть, если со мной рухнет и весь мир?... Более того, этого просто не может допустить Тот или То, кто все это устроил, чтобы вот так рухнула вселенная...

Кириченко крикнул, посмотрел на меня с вопросом в серьезных вдумчивых глазах.

– Как думаешь, шеф, он рехнулся или заново открыл по своей дикости солипсизм?

– Гений, – сказал Люцифер с уважением. – Правда, вслед за аббатом Беркли солипсизм заново открывает каждый подросток, но, возможно, у Урланиса детство затянулось?

– Значит, – предположил Корнилов, – у него впереди еще пубертатный период?

– Да, и ломка мировоззрений, вызванная пробуждением новых гормонов.

– Гм... но он вроде бы женат...

Люцифер отмахнулся:

– В акте копуляции не обязательно быть активной стороной.

Урланис сказал обиженно:

– Ну вот, дикие и невежественные всегда все сводят к плоским шуточкам. А понять всю грандиозность моей мысли не дано духовным пигментам.

– Пигмеям, – поправил Люцифер.

– А это не одно и то же? Ладно, пигмеям.

– Не дано, – согласился Люцифер.

– Не дано, – подтвердил Корнилов.

Я перешагнул порог и молча закрыл за собой дверь, отрезав себя и Кириченко от внешнего мира. Мы все напряженно работаем над одной темой, но попытки установить связь со

Сверхсуществом предпринимаю только я, так как именно у меня выявилась самая-самая восприимчивость и чувствительность, чего я сам никогда бы о себе не подумал. Хотя идею о Сверхорганизме я выдвинул, думаю, с его подсказки.

Кириченко предупредительно поддержал меня за локоть, когда я опускался в ванну. Теплая вода приняла меня привычно ласково, я погрузился по самые брови и почти сразу ощутил себя словно в материнской утробе, где надежно, защищено, где о тебе заботятся...

– Шеф? – спросил он.

Голос донесся как бы издалека, хотя сидит рядом с ванной на табуреточке и косит одним взглядом на монитор.

– Хорошо, – прошептал я, – уже началось...

– Так быстро?

– Да...

– Прекрасно, – сказал он с облегчением. – Значит, первичное вхождение оставило какие-то следы. А в этом случае будет проще и проще...

Голос его истончился, звучал как будто из другого измерения, я еще услышал и распознал слова:

– Мне выйти?

– Уже неважно, – прошептал я. – Не мешаешь...

Глава 6

Странное иррациональное чувство, которое испытывал только в раннем детстве, когда вспоминал то состояние, когда плавал в околуплодных водах, медленно и неслышно входило в меня, я снова оказался в мире, где нет пространства и времени, сладкое ощущение потерялось по мере взросления, но я помнил, что оно было, и даже понял, что именно вспоминалось.

Вообще-то, я уверен, что открыл третью нервную систему. У людей две, как помним из школьного курса, а эта третья связывает всех нас в единый организм. Обнаружить удастся только во сне, когда ее действие проявляется особенно четко. Сперва я действовал по наитию, никаких доказательств, но с помощью Кириченко уже удастся выделять из общего хаоса сигналы, которые нервная система отправляет куда-то, а затем получает ответ, содержащий... что-то содержащий.

Из-за невероятного объема хаотичной информации никогда бы не удалось разобраться, если бы благодаря грантам не удавалось пару раз воспользоваться вычислительными мощностями суперкомпьютеров ведущих держав мира. Но даже их мощи едва-едва хватило на то, чтобы понять: если удастся доказать то, что пока видим только мы, то это будет самым невероятным масштабным открытием за последние тысячу лет, все последствия которого даже трудно наметить пунктиром.

Я буквально вижу будущее, когда новостные полосы запестрят заголовками типа того, что человека, вообще-то, нет, есть один Сверхчеловек, или точнее – бессмертный сверхорганизм, а мы все – просто клетки в нем, хотя и он не бессмертный, но срок его жизни несравним с жизнью отдельных клеток...

Но вот теперь в самом деле непонятно, умираем ли мы, когда умираем?.. Ведь вся наша жизнь записывается в общий организм! Но можно ли это считать жизнью, если твое «я» исчезает, растворяясь в миллиардах таких же, как и ты?..

Если у нас все получится, а шансы есть, то будет создана новая наука, что рассматривает человечество, как единый организм, типа муравейника. С общим разумом, что пока непостижим нам, простым муравьишкам.

Возможно, это и есть то, что называется Богом.

А прогресс, цивилизация, культура – просто рост и взросление Сверхорганизма. И эти наши мучительные ломки на пути к открытости и безжизности – понятные и естественные шаги к сингулярности, где все станет явным.

Еще до сингулярности станем открытыми друг другу полностью, без этого не войти в новый мир... вернее, сами не пустим туда закрытых. И тогда, как наивно считаем, создадим и соединимся в единую информационную цепь, хотя на самом деле продублируем ее и на другом уровне, уже рассудочном, а не темноматерийном.

Я плавал в темном теплом пространстве, даже видел некий свет, словно бы проникающий сквозь стенку живота матери, наслаждался счастливым бездумным существованием, и вдруг острая мысль пронзила такой болью, что охнул и едва не ухватился за сердце. Еще не уловил глубины и важности, но уже рухнул в бездну полной безнадеги, трагичности и боли. Перед внутренним взором сперва всплыл Древний Рим, родился я в то время, обсуждал бы с глубокомысленным видом положение вольноотпущенников, выступление сенаторов насчет войны с Ганнибалом, не имел бы представления о других странах, помимо Римской империи, знал бы мизер, но был бы уверен, что знаю очень много...

Затем та же мысль перебросила на тысячи лет вперед, я не могу даже вообразить далекое будущее, но чувствую, что с этим моим мозгом и моим развитием мог бы обсуждать многомерность пространства в новых вселенных, внимать выступлениям сенаторов насчет создания искусственных червоточин в антимирах, знал бы тысячи вселенных, микро- и мегамиры, иные

измерения, все успевал бы и во всем разбирался бы... но живу сейчас и здесь, намертво всаженный в это тело, которое никак не покинуть. Более того, если это непрочное тело почему-то умрет, а причин могут быть тысячи, то умру и я, а это так несправедливо...

Почему я должен погибать всего лишь из-за того, что порвался мой костюм?

Как вселенский глас, зазвучал страшный могучий голос, меня грубо сжали за плечи, наконец я разобрал слова:

– Шеф, очнись!.. Шеф, выходи оттуда!.. У меня аппаратура с ума сходит!..

Захлопала вода, Кириченко приподнял меня и усадил, уперев спиной о стенку ванны, передо мной то возникали, то пропадали его блестящие жгучим любопытством и тревогой глаза.

– Шеф!

– Я здесь, – прохрипел я.

– Что было? – потребовал он.

– Связь, – прошептал я. – На этот раз уже без дураков. Дай что-нить седативное...

Он моментально прижал нечто к моей руке, кожа на миг похолодела, но препарат тут же погнало в кровь, я ощутил, как страх и безнадежность начали разжимать железные пальцы на скукоженном в страхе сердце.

Через пару минут я вылез, Кириченко оттер меня полотенцем, но все поглядывал на экран, где цветные кривые продолжают бешеную пляску.

– Шеф, – спросил он с тревогой, – с тобой все в порядке?

– Уже да.

– Гм, – сказал он, – а что ж мой менометр никак не успокоится.

– Сломался, – предположил я.

Он посмотрел странно, но смолчал, только зачем-то придержал за плечи и все так же серьезно всматривался в мое лицо, видимо, все еще бледное и страдальческое. А я все еще чувствовал себя в другом мире, где общался, даже что-то советовал кому-то, потому что был там, обсуждал положение женщин в Римской империи, порицал выступление императора Тита, гоготал над результатами боев гладиаторов, никто не ожидал, что победит Маркус, все ставили на Демеуса, не подстроено ли... а, ладно, пойдем к патрицию Кентуллу, у него намечается классная оргия, а кроме патрицианок будут еще и рабыни для утех... и зря шеф нагружает нас работой, все равно туфту гоним, чьи-то деньги отмываем... Как думаешь, эти таблетки в самом деле помогают худеть или очередная лажа?..

Я вздрогнул, зябко повел плечами.

– Извини, – услышал я свой хриплый голос, – на этот раз мы влезли так глубоко, что даже сам боюсь поверить...

– Шеф, да что было?

– Если расскажу, – сказал я сумрачно, – шизофреником назовут. Нет уж, давай получим хоть что-то, годное для доказательства. А то будем как бабкованги, что рассказывают, кем ты был в прошлой жизни. Конечно же, Александром Македонским...

Он спросил живо:

– Удалось увидеть что-то из прошлого?

– Никаких комментариев, – отрезал я. – Хочешь, чтобы из меня сделали клоуна? Пока не получим факты, молчим.

– Даже спонсорам?

Я ответил после минутного колебания:

– Надеюсь, мы получим что-то более весомое раньше, чем они спросят, куда угрохали деньги.

Он повернулся к монитору, а я все еще пытался пересилить черную тоску, что вот я, такой замечательный, умный и красивый, топчусь хрен знает в чем, а мог бы водить корабли по

галактике, прыгать по измерениям или находиться одновременно в разных частях вселенной, занимаясь хрономультикреванием, а то и вовсе пытаюсь решить мрачную тайну бытия.

Чувствую, мог бы! У меня достаточный потенциал, но живу в этом гребаном времени, где даже к Сириусу не слетать... да что там к Сириусу, еще до Марса нормальную дорогу не проложили!

Он поддерживал меня под локоть, когда я вышел в главную комнату, уставленную столами и аппаратурой.

Я сказал громко:

– Всем привет, можете не вставать, спасибо. Я сегодня демократ с утра, а там посмотрим.

Улыбнулся только Вертиков, остальные даже не оторвались от работы, чтобы поприветствовать шефа и спросить, как прошел опыт. Корнилов вперил грозный взгляд в окуляры микроскопа, Урланис наблюдает, как взбалтывается красная жидкость, похожая на кровь, в длинной пробирке с утолщением на конце, а Люцифер в стремительном темпе, задавая его взглядом и шевелением растопыренных пальцев, перебирает на экране снимки срезов ткани.

Корнилов вздрогнул, оторвался от микроскопа.

– Ребята, – сказал он потрясенным шепотом, – там же пиццу доставили!.. А мы забыли...

Через минуту в большой прихожей, где на столе пакет с заказанной пиццей, жадно заработали ножи и вилки, раздался бодрый чавк и напористый голос Корнилова.

– Телепортация, – вещал он с апломбом, за который я его ненавижу, хотя чаще всего высказывает дельные, хотя и всегда неожиданные мысли, – это мечта тупоголовых идиотов, что сейчас все еще по старинке ездят в египты или парижи, чтобы там увидеть какие-то руины или памятники. Я, к примеру, все могу посмотреть, не вставая из кресла...

Я взял кусок, еще горячий, начал есть стоя, хотя мне придвинули стул, но я показал знаками, что некогда-некогда, сейчас ухожу.

Урланис возразил:

– Ну, ты загнул!.. А пощупать, вдохнуть аромат тех вещей?.. Твое телевидение не дает этих очучений!

Корнилов помотал головой:

– Сейчас не дает. Завтра даст. Но уже сейчас, когда все можно посмотреть в цвете и даже в стерео, умные люди не ездят так далеко. Другое дело, когда не было даже фотографий, а только дикие слухи, разжигающие любопытство.

Урланис сказал упрямо:

– Но, согласись, число туристов со времен Марко Поло не уменьшается, а увеличивается!

– И абсолютно совпадает с ростом количества дураков, – фыркнул Корнилов. – Да ты сам подумай, применять такое достижение научной и технической мысли для того, чтобы полмиллиарда дураков могли прыгать, как блохи, по планете? Да они же обрушат экономику любой страны – подчеркиваю, любой! – если разом придут на какой-нибудь фестиваль любителей пива или благотворительный показ Аней Межелайтис интимного пирсинга!..

Вертиков слушал-слушал, сказал осторожно:

– Знаете ли, гораздо лучше смотреть на эти редкости... или Аню Межелайтис глазами человека, который с вами в нуль-контакте. Тогда и запах, и тактильные ощущения, и полный эффект присутствия.

– Не эффект, – педантично поправил Корнилов, – а само присутствие. Только большинству не светит. Дураки легко заводят друзей в пивнушке и на трибунах стадионов, но крайне неохотно позволяют «копаться в их собственных мозгах». А на нуль-контакт из них вообще никто не идет. Вся их жизнь наполнена страхами перед злобной наукой, пестицидами и БАДами, верой в гороскопы, приметы и предсказания Ванги.

Я взял еще кусок, опередив деликатничающего Вертикова, и отправился в свой кабинет. Остальные то ли уже поели, то ли им еще принесли, но, скорее всего, просто забыли про еду.

Едва переступил порог, дисплей на моем столе засветился, на экране появились последние новости из мира хай-тека. В нашем отделе все мы их смотрим в первую очередь, затем – науку, а экономику и политику практически никогда, про спортивные новости или мир моды в нашем кругу говорить вообще дурной тон.

Все эти футболы и какая звезда с кем спит – жвачка для биоконов, а мы, дескать, продвинутые, устремленные в сингулярность. И хотя сами посмеиваемся, мы над всем посмеиваемся, но что верно, то верно, мы – будущее, они – тупое прошлое, хотя живем в одну эпоху и на одной площади.

Шеф я, правда, только в нашем отделе из пяти человек. Когда-то мне удалось доказать двухпоточный обмен информацией сперва между амебами, а потом и между клетками существ повыше организацией, я защитил докторскую, чуть ли не самый молодой доктор в мире, это дало возможность вести самостоятельные исследования, периодически отчитываясь о результатах.

Докторскую я заработал на изучении клеточного слизневика. Этот одноклеточный организм, по сути – амеба, когда голодает, посылает всем подобным себе сигнал: «Сползайтесь, создадим Суперорганизм!», а когда сползутся, образуется мигрирующий слизневик с плодовым телом, способным создавать споры.

Я предположил, а затем сумел доказать, что эта связь между клетками остается даже у более развитых организмов, например, муравьи поглаживают и постукивают друг друга усиками, лапками, передавая информацию, а еще сообщают нечто феромонами плюс вытанцовывают, передавая нечто важное жестами. Это уже давно изучено, а вот то, что клетки так и не потеряли свою способность все так же обмениваться информацией с клетками, что входят в состав другого Суперорганизма, никто не обращал внимания.

Вернее, не замечал. Причин две: первая – недостаточно чуткое оборудование, второе, главное, ну кому интересны такие рудименты, когда весь обмен информацией, как принято считать, идет через жесты, а у людей и вовсе через речь?

Для того чтобы выдвинуть гениальную идею, нужно быть немножко сумасшедшим и очень толстокожим, не страшиться насмешек. Даже не простого люда, а как бы коллег, да еще более высокого ранга: академиков, членкоров, лауреатов высших премий. Но мы-то, кто варится в этой каше, знаем, что абсолютное большинство этих академиков – это те же простые, даже простейшие люди, что путем лизания задниц и связей сумели пролезть ползком на те вершины, где и наслаждаются властью, сами собой ничего не представляя.

А раз знаем, то мы, молодые и дерзкие, будем ломиться вперед и вперед, ломая все препятствия и пробивая стены!

Кириченко как накаркал, через два дня прибыл мистер Педерсен из фонда Клинтона, вежливо сообщил, что наш прежний куратор повышен в должности, а он теперь принимает его дела, так вот не могли бы мы ввести его в курс дела, чем именно занимаемся, все-таки их фонд стимулирует научные изыскания во всех странах мира, но не выбрасывает деньги на ветер, строгая отчетность очень важна...

Я провел его в свой кабинет, вежливо придвинул кресло к большому дисплею.

– Садитесь, мистер Педерсен. Сейчас все расходы предъявим. У нас записано абсолютно все!.. А проверить платежи легко, мы все проводили через банк...

Он сел, светски улыбнулся:

– Пока в такой проверке необходимости нет. Острой необходимости. Если появится, то да, конечно... Но мне, человеку новому, важнее понять, какая группа чем занимается.

Я вздохнул, развел руками:

– Как бы вам объяснить...

– ...попроще, – закончил он и улыбнулся. – Да, обычно это трудная задача. Но вы не математикой занимаетесь, а вроде бы биологией, такое, думаю, в общих чертах объяснить можно. Даже такому недоумку, как я, который только ездит и проверяет.

– Что вы, – сказал я поспешно, – что вы! Я объясню все просто и понятно, буквально на пальцах. Готовы?

– Я весь внимание, – ответил он.

– Существуют гомотипичные биосоциальные системы, – сказал, – это бактериальные колонии, семьи муравьев, стаи рыб, школа китов, прайд львов, группа обезьян, человечество...

Он переспросил:

– И человечество?

– Ого, – сказал я с одобрением, – значит, еще нить не потеряли? Есть еще клеточные коллективы, где клетки имеют свободу перемещения в тканях животного организма. Например, иммунциты высших организмов, человека. Вот тот лохматый, видите у стола перед окном, он рассматривает сложную гамму перехода солитарного образа жизни к субсоциальному. Это, как вы наверняка знаете, начинается с момента, когда происходят временные объединения. Например, при миграции. Называется это состояние пресоциальным, то есть совместная жизнь. Как я вижу, вы все поняли? Вон тот сотрудник, что установил сразу три экрана, занят изучением эусоциального образа жизни – это такая перманентная структура, что напоминает целостный живой организм. Так все муравьи действуют, как единое целое, а человеческая толпа может вся переходить в состояния ярости, ликования, страха... Вот тот, в белой рубашке, занимается кинэстетической модальностью, это когда на большом расстоянии создается впечатление непосредственного физического контакта.

Лицо его было напряженным, но еще не настолько несчастным, чтобы я перестал объяснять нашу работу, наоборот, я сказал с подъемом:

– Кстати, я тоже начинал исследование с эусоциального образа жизни, из-за чего академики на меня поглядывали косо, одно дело примерять это к муравьям, другое – к людям.

Он чуть оживился, кивнул:

– Да-да, я на это обратил внимание в вашем досье.

– Спасибо, – сказал я. – Однако в конце концов я сужал поле поиска, пока не забрезжил тот лучик во тьме, высветивший тончайшие нити, что и связывают людей воедино, хотя они об этом и не догадываются.

Он сказал еще живее:

– Вот с этого момента поподробнее.

– Влезая все глубже, – сказал я, – удалось увидеть, что люди, вообще-то, связаны друг с другом намного больше, чем муравьи. А информация между нами передается еще и бессознательно. Нет, не мимика, не язык произвольных жестов и подергивания губ или конечностей, а нечто намного более мощное, глубокое...

– Так-так, – сказал он без необходимости, но только для того, чтобы показать мне – слушает, весь внимание, – это я читал в резюме.

– Успех начал приходить, – продолжил я значительно и посмотрел ему в глаза, – когда ваш благословенный фонд выделил мне грант на исследования. В первые же месяцы удалось установить, что наиболее мощная передача неизвестной информации между людьми идет, когда те спят.

– У всех или только избранных?

– Хороший вопрос, – сказал я одобрительно, хотя вопрос, вообще-то, дурацкий, но так принято говорить, если хочешь польстить тому, от кого зависишь, например, депутаты и прочие подлизы так всегда говорят тем, кто у них берет интервью: – Мы еще не знаем, что на самом деле происходит во сне. Но выяснили уже, что за это время каждый спящий буквально

превращается в своеобразный радиопередатчик. Только вот уходит ли информация только к ближайшим людям или куда-то еще, пока выяснить не удастся.

Он смотрел настороженно, лицо словно застыло, так держатся, когда стараются не выдать чувства.

– Вы замахнулись... слишком.

– Да, – ответил я, – но мы постепенно продвигаемся. И пока тупика не видим. Совсем напротив...

– Совсем напротив, – повторил он все так же скованно, – надеюсь, у вас все получится, но... не скоро.

Я удивился:

– Почему?

Он посмотрел на меня прямо:

– А вы представляете, что будет?... Конечно, вы настоящие ученые, у меня глаз наметан. Вам важно, чтобы получилось, так ведь?... Хорошо, мистер Грег. Деньги вы расходуете только на свои эксперименты, это мы уже проверили. Я хотел лишь убедиться, кто их ведет.

– Сумасшедшие или нормальные?

– Да, – ответил он.

– И как?

– Нормальные, – ответил он, – но с сумасшедшинкой. Как раз у таких, судя по имеющейся у нас статистике, и получаются всякие страсти. Но я представлю наверх положительный отзыв, мистер Грег.

– Ой, спасибо...

Он светски улыбнулся, поднялся:

– У меня от себя вопрос...

– Да, – ответил я настороженно, – пожалуйста.

– А что насчет прожитых жизней? – спросил он. – Как насчет того, был ли человек в прежних жизнях Александром Македонским или его конюхом?

Я поежился, помялся, как бы ответить и не обидеть, многие все-таки верят в эту хрень, а с ними разговаривать бесполезно, вера не признает доводов рассудка, а научные факты отшвыривает с презрением.

– Вы сказали очень хорошо, – заговорил я. – Сразу видно, что действительно все поняли, а не только сделали вид. И глубоко все поняли.

Он польщенно улыбнулся:

– Такая работа.

– Тем более, – сказал я с подчеркнутым уважением. – Теперь понятно, почему послали именно вас, у всех у нас разные направления, а с ходу вот так, как делаете вы, понять невероятно сложно... Так вот, о феномене «прожитых жизней». Конечно же, никто никогда не жил раньше и душа не переселяется из тела в тело, как твердят наивные и жулики. Абсолютно невозможно «вспомнить, кем был раньше», потому что никем не был, разве что сперматозоидом, и потому не можешь «вспомнить».

Он поинтересовался:

– Тогда почему же...

– Именно эта смутная связь, – сказал я, – темная и таинственная, о которой люди даже не догадываются, дает о себе знать таким образом. Человечек на основании чего-то смутного, непонятного, но такого манящего и тревожащего, начинает строить предположения, что перерастают в уверенность, и вот уже создаются целые учения о реинкарнациях!

В его глазах появилось выражение разочарования.

– Да? А знаете, жаль. Было бы интереснее.

– Будет интереснее намного, – заверил я. – Как только начнем получать по темным каналам больше данных, эта вот ерунда о переселении душ покажется детским лепетом!

Я провел его до лифта, он пожал руку перед открытыми дверями и сказал уже теплее:

– Буду ждать результатов очень заинтересованно.

Глава 7

Двери лифта захлопнулись, я подпрыгнул, с плеч свалилась гора, сердце стучит часто, в мозгу тысячи горячечных и бредовых идей, так объяснял контролеру живо, что даже сейчас внутри все сжимается от некого мистического страха, словно заглянул в вечность... или в глубины соседней вселенной.

Все люди соединены в единого человека, некое существо, понять которое невозможно. Но если когда-то связь была всех со всеми, то постепенно выжили и получили преимущества либо самые нечувствительные, либо те, кто умел подавить чтение чужих мыслей и чувств.

В мире, где пещерные медведи хватают и пожирают твоих сородичей, где саблезубые тигры, где множество хищников подстерегают на земле, в воде и даже нападают с воздуха – чувствовать боль и отчаяние других существ – это невыносимая мука, которую нужно убрать любой ценой.

И убрали, то есть выжили и продолжили род только малочувствительные, а потом и эта малочувствительность превратилась вовсе в нечувствительность. И только у редчайших единиц иногда проявляется смутное чувство родства со всеми людьми на свете, но возмужавший разум тут же высмеивает эту идею, основанную всего лишь на ощущениях, и требует, чтобы верили только ему, единственному.

Все правильно, разум спасает своего хозяина. Ощутить то, что чувствуют все – это мгновенно сгореть от общечеловеческой боли и страданий.

Единственный путь – начинать снова восстанавливать связи медленно и очень осторожно. Сперва с теми, кому доверяешь. Кого не просто знаешь, а знаешь хорошо. Очень хорошо. Скажем, при помощи чипов мысленной связи, что вот-вот выйдут из лабораторий и переползут в производство.

Я вернулся в лабораторию, там посреди комнаты стоит злой, как черт, Урланис и, размахивая руками, клянет во всю эти дурацкие правила, его оштрафовали семь раз по дороге, пока ехал на работу, и за что? За неумелое вождение автомобиля!

– Да я, – орал он, – за рулем уже двадцать три года! Я принимал участие в престижной гонке через пустыню Сахару!

Корнилов поморщился, фыркнул:

– А чего тебе приспичило самому сесть за руль? Решил повыпендриваться?

– Он хотел сказать, – подсказал Вертиков вежливо, – что робот дура, человек – молодец. Люцифер назидательно произнес:

– Москва тебе не пустыня, бедуин. Автоматика ведет на скорости в сто сорок километров даже по городу, машины прут одна от другой в двух-трех миллиметрах. А ты – вручную!.. Еще бы на верблюде поехал.

– Сам ты... – огрызнулся Урланис. – Нельзя давать машинам все делать за нас! Совсем оборзеем. Я не оборзею, я умный, а вот вы – точно.

Корнилов сказал весело:

– Кто бы мог подумать, антисайонтист в нашем офисе! Бей гада...

– Он просто в Книгу рекордов Гиннеса хочет попасть, – сказал Вертиков ехидно. – Зря старается. В Зимбабве еще лет десять будут за рулем человеки.

Урланис бешено огрызнулся, снова эти тупые не понимают его вызвышенных чуйств, наконец повернулся ко мне:

– Шеф, а вы что скажете?

Я сказал недовольно:

– Вам что, больше говорить не о чем?

Он оглянулся на остальных, снова взглянул на меня.

– Да есть, только боимся и вышептать... Это был кто-то из проверяющих?

– Да.

– И... как?

– Пока прокатило, – ответил я, но сразу же пригасил взрыв ликования холодным душем, – но если не будет результатов, хрен вам, а не финансирование. Так что за работу, негры!

Они разбежались по своим местам, втягивая головы в плечи и всячески подчеркивая, что вот в жестоком рабстве у тирана, но я видел, что подбодрились. Над большинством разрабочников висит этот дамоклов меч, если только они не в госучреждениях.

Очень удобная это вещь, синхронные переводчики. Крохотная капсула, мгновенно переводит твою речь на тот язык, на каком говорит собеседник. Учить иностранные языки не нужно, однако странное дело: всякий такой пользователь рано или поздно овладевал устной речью на иностранном, слушая себя же на нем, сперва просто узнавая эти слова, а потом и приучаясь произносить, опережая переводчик.

Я владею только английским, да и то не свободно, то есть читаю книги и смотрю фильмы, но общаться быстро и без пауз на обдумывание не могу, потому на шее вместо кулончика этот транслятор, замаскированный под амулет со знаком Зодиака.

Сейчас связался с немцем Кронгелем, что живет на Ямайке и работает над проблемами коммуникаций термитов, предложил поработать с нами. Он выслушал, загорелся идеей и возможностью, сейчас и научных работников столько же, как и дизайнеров, я объяснил его новые задачи, таким образом наш крохотный коллектив увеличился на одну единицу, причем стал, так сказать, международным, что значит – разбегайтесь, мелочь!

Я вышел из кабинета, довольный и гордый, сейчас всех ошарашу, могут задирать носы, растем, крупнеем, но никто не смотрит в мою сторону, все возле стола Кириченко, а он тычет пальцем в экран, ржет, остальные подхихикивают.

– Все-таки приятно, – услышал я довольный голос нашего мультимиллионера, – что приходит конец анонимному дебилизму в инете! Сейчас, когда постинг любого анонима легко проследить через все аноминайзеры и прокси, станет меньше всех этих... обгаживающих всех и вся просто так, потому что им восхотелось сделать людям гадость.

– И еще одно окошко закроется для конкурентов, – добавил Люцифер.

Но Вертиков покачал головой:

– Наивные... Сейчас, когда в мире уже нет дебилов и даже нет идиотов, а только люди с нестандартным мышлением... ну, как раньше именовали гениев, то они будут то же самое творить и под своими именами.

Урланис услышал, крикнул со своего места:

– А как насчет законопроекта, чтоб в любой ник автоматически проставлялось настоящее имя?

Кириченко сказал с жалостью:

– Отклонили еще на стадии обсуждения. Мол, нарушает конституционные права личности. Если кто-то хочет срать анонимно, пусть срет анонимно. Конечно, кто хочет, тот теперь в два клика отыщет настоящее имя, адрес, телефон и все данные на этого героя, но для остальных пусть, дескать, остается под ником.

Корнилов сказал хмуро:

– Половинчатое решение. Но уже лучше, чем ничего. Срать в инете уже стали меньше, как только запустили эту прогу. Но я бы не только автоматически подставлял настоящие имена, но и отсылал такие постинги руководству на службе: вот смотрите, что и как ваш сотрудник ведет себя в инете!

Урланис тяжело вздохнул:

– Эх вы, пуритане... Скоро и сами будете с тоской вспоминать вольные годы инета, когда можно было заходить в Сеть, сидя голым перед дисплеем... Уже сегодня приходится одеваться, а завтра и галстук начнете повязывать.

Я слушал внимательно, значит, все-таки закончили создание поисковой системы «Немезида», идет тестирование. Жаркие споры и даже запросы в парламенты продолжаются, но все созданное рано или поздно запускается в производство: теперь не только правительство или спецслужбы, но и каждый пользователь может отслеживать в инете сообщения любого постящего.

Все оставляет свой след, и даже все под никами или даже через прокси могут быть идентифицированы, чего не могли предположить энтузиасты первых лет инета. То и дело появляются жесткие разоблачения, как такой-то политик под разными никами порочил своих оппонентов, придумывая и запуская о них сплетни, как позорно ведут себя деятели шоу-бизнеса, полагая, что их имена никогда не раскроются...

Про писателей и говорить не приходится, многие на работу над романом выделяют час-два в день, зато по пять-семь часов шарят по инету, на всех форумах оставляя оскорбительные отзывы о книгах своих конкурентов. У них даже не десятки ников, а сотни, множество емэйлов, все это хранят в специальных файлах, чтобы не перепутать, от какого имени кого поливать... Понятно, что вся творческая энергия таких уходила в ругань, а книги таких выходят редко, да и то серые, весь накал выплеснут в крики и оскорбление коллег, которые просто пишут и в такой «творческой жизни» не участвуют.

Уже весь инет сотрясает хохот, разоблачения идут за разоблачением, уже не ручейки, а лавины, и такие литературные вершины, обвешанные с головы до ног премиями и лауреатствами, оказываются злостными анонимщиками, изничтожающими соперников слухами и сплетнями! А что будет завтра, когда эта «Немезида» будет стоять на компе у каждого?

Кириченко, самый рассудительный, сказал с недоумением:

– О чем спор? Это было неизбежно. Сперва поставили телекамеры на перекрестках дорог, потом у входов в вокзалы, супермаркеты, наконец в домах... и что, инет останется неприкосновенным? Везде и во всем идем к открытости!

Урланис пробормотал пугливо:

– Не пошатнет ли это... слишком уж?.. Ну, глуповатый и бесталаный автор, чьи книги едва выползают со скрипом тиражом в тысячу экземпляров, как может не заявиться под ником на страницу автора успешного, тиражного, и не обосрать все-все?

– Не пошатнет, – заверил Кириченко. – Сингомэйкерами все предусмотрено!

– Что?

– А уже снизили планку, – объяснил он. – Донекуда. Раньше стрелялись, смывая позор кровью, теперь только ухмыльнутся. Когда низость становится такой массовой, лучше ее легализовать...

– Легализовать?

– Ну, не совсем уж, но дешевле признать, что ничего страшного как бы не происходит. Подумаешь, жена трахается на службе с боссом и всеми коллегами! Подумаешь, с голыми сиськами вышла на улицу!... Подумаешь, твоя дочь отсасывает у таксиста, чтобы довез бесплатно... Мы ведь стараемся создать бесконфликтное общество? Вот и создаем.

Люцифер вставил ехидно:

– Иначе пришлось бы перестрелять две трети населения.

Урланис сказал горестно:

– Да, планка упала ниже некуда... Какой позор, какой позор...

Люцифер посмотрел, как дитя на скелет, покрутил пальцем у виска. Вертиков покачал головой с укором, Кириченко поинтересовался:

– Упала? А может, просто стала иной?..

– Это как?

– Очень просто. Можно трахаться в офисе и срать в общем туалете, но нельзя прийти на службу небритым или с криво повязанным галстуком. А еще надо свято хранить корпоративные традиции.

Корнилов сказал глубокомысленно:

– Корпоративные традиции? Это как бы племенные?..

– Родовые, – поправил Кириченко. – Хотя если корпорация крупная, а то и трансконтинентальная, то племенные, верно. Как бы свой народ, свой гимн, свои традиции. Хотя баб в офисе все дерут одинаково, но галстуки носят разных расцветок. Как выпускники универов – у каждого выпуска свой рисунок.

Урланис умолк, больше не участвовал в фехтовании, лицо стало сильно озабоченным. Похоже, старается вспомнить, что писал под разными никами за прошлые годы, теперь все это неминуемо всплывет. И хотя он не один, это утешает, но все-таки зря он это делал, зря... Знать бы, что все всплывет... да кто мог знать тогда?

Он у нас, как бы сказать, элитник, страстно страшится быть как все и постоянно придумывает себе какую-то хрень, чтобы отгородиться от этого простонародья. Но собственных заслуг или особых талантов не имеет, потому либо вот он единственный среди нас ценитель тонкого французского вина, даже несколько названий заучил, то не читает современную макулатуру, а только Бодлера, Шопенгауэра, Виньона и поэтов Серебряного века, то с гордостью рассказывает, как ездил на раскопки пирамиды Хрепокса и сам видел его останки, даже прослезился от чужих.

Рядом с ним Корнилов, современный Рахметов, бешено работает и постоянно учится, чтобы соответствовать идущему со временем, а еще откладывает деньги на будущие чипы, что можно будет вставлять в мозг, а уже с ним заработает на приобщение к бессмертию, это ж процедура будет сперва очень дорогая!

За компом – Люцифер, это его ник на форумах и в чатах, он сейчас практически не живет, а готовится жить в сингулярности. Совершенно не тратит времени даже на баб, от чего не смог полностью отказаться даже Кириченко, а когда гормоны грозят выбрызнуться из ушей, просто выделяет на мастурбацию в ванной пару минут, после чего снова разум чист, никакие обезьяньи инстинкты не уводят в сторону.

Кириченко как-то укорил, что не выполняет свою обязанность по программе деторождения, Россия вырождается, вымирает, Люцифер только рассмеялся и посоветовал заглянуть в последние новости науки, где полную автоматизацию производства обещают через пять-семь лет, а это значит, что населению делать будет нечего, хоть топи лишних, а если уж в самом деле захочется воспроизвести именно своего ребенка, то через те же пять-семь лет можно будет не только зачинать в пробирке, но и выращивать в колбе до любого возраста.

Однако, как я понимаю, и все в отделе понимают, первый чип по расшариванию связей в мозгу поставит Вертиков. Милый, спокойный, предельно уравновешенный, даже не уравновешенный – это слово предполагает разные чаши весов с одинаковым грузом добра и зла, черного и белого или ума и чувств, но Вертиков вообще цельный и правильный, монолитный, у него нет колебаний и заскоков, всегда поступает верно, и вовсе не потому, что за нами смотрит строгий закон, а потому что таковы его убеждения. Даже не убеждения, а... скелет, жилы и мясо!

– Эх, – сказал я с чувством, – люблю я вас, морды!

На меня начали оглядываться, Люцифер опасливо отодвинулся.

– Шеф съел что-то, – озабоченно предположил он. – Вон и глаза блестят, как у Наполеона или Цезаря.

– Любит, – подчеркнул Корнилов. – А вдруг любит не в том смысле, как ты подумал, а... как Христос?

Урланис пробормотал:

– Да кто знает, как он любил все тридцать лет, пока не пришел к идее, что надо любить вообще всех? А наш шеф еще тот Христос, мало не покажется.

Вертиков, наш любитель покушать, нервно поглядывал на часы, ладонь его то и дело похлопывала, как тюлень ластом, по заметно выпирающему животику.

– А не пора ли нам, – провозгласил он, – перекусить? Время обеда-то идёт... а шеф молчит!

Урланис повернулся ко мне:

– Как, шеф?

Я удивился:

– Вы и это у меня будете спрашивать? Ну и дисциплинка у нас, это же как здорово. Я еще тот держиморда, оказывается.

– Да уж держимордее поискать, – сказал Урланис подхалимски. – Унтер Пришибеев и рядом не стоял!

Глава 8

Мы гурьбой спустились на двенадцать этажей, там все пространство отдано под кафешки, бары, комнаты расслабления, отдыха, массажные кабинеты, солярии и прочую ерунду, хотя зал со спортивным оборудованием – хорошая идея, только вот многие выкладываются именно здесь, а не на работе.

За соседним столом расположилась группа менеджеров, их отличишь по виду, поведению и особой манере разговаривать, все слушают, а один с восторгом очень громко, чтоб слышали и за соседними столиками, рассказывал о поездке в Таиланд, расписывал, какие необычные изысканнейшие блюда там едал и даже едывал, какие непередаваемые ощущения, никогда таких превосходнейших блюд даже не встречал...

Его слушали с интересом, кто-то откровенно завидовал, только наши насмешливо улыбались, а Урланис поморщился и, отвернувшись, сердито работал ножом и вилкой, расчлняя слишком тугой ломоть малокалорийного мяса.

Кириченко спросил его тихонько:

– Что, не впечатляет?

– Хорошо рассказывает, – согласился Урланис. – Бедненький...

– Почему? – удивился Кириченко. – Он же в суперлюксе жил, пил вина за тыщу баксов бутылка, жрал что-то совсем редкое...

Урланис взглянул на него с интересом:

– Тебе в самом деле кажется, что это важно?

Кириченко подумал, сдвинул плечами:

– Вообще-то, нет. Но тоже не отказался бы. Только времени нет.

– И не отказывайся, – посоветовал Урланис. – Если привалит само, зачем отказываться? Но этот вот, по морде вижу, года три копил, урезал себя во всем ради этой поездки, чтобы все заснять, как шикавал, и еще десять лет хвастаться. И что?

– А что? – спросил Кириченко. – Вон как счастлив.

Урланис кивнул:

– Только потому, что может молча кричать: «ага, я там был, а вы – нет!». А на самом деле, дорогой мой нестарый друг, он же лукавит, разве не видите?

Кириченко оглянулся, спросил с сомнением:

– В чем?

Урланис вздохнул:

– Мужчина со здоровой психикой и здравым складом ума в состоянии отличить плохую еду от хорошей, но нет на свете человека, опять же со здоровой психикой... а имею в виду мужчин, пусть дамы извинят... который сумел бы отличить хорошую еду от очень хорошей. Или очень хорошую от замечательной.

Кириченко подумал, поморщил лоб, признался:

– Вообще-то, и я отличу дрянной портвейн от марочного, но для меня что четыре звездочки на коньяке, что пять... Да и вино за тыщу баксов не отличу от стобаксового. Да, менеджер просто бахвалится, но это у них в крови...

Урланис сказал тихо и с сочувствием:

– А чем ему еще бахвалиться? Каждый человек хочет что-то значить. Вон наш шеф описал три новых вида трофаллаксиста, ты создал новый способ замеров маномира, Люцифер сумел доказать необходимость тертоида в гексагемме, я напичкал нашу контору чипами и сумел все заставить работать... а этот менеджер тоже хочет быть кем-то! Теперь он тот, кто ел что-то необыкновенное в Таиланде и пил вино за тыщу баксов!

Я сожрал свой бифштекс быстро и с удовольствием, затем уже не спеша ел мелкие сочные пирожки и прихлебывал из большой кружки горячий крепкий кофе.

Менеджеры точно так же расправились с горячим, им принесли десерт, едят неспешно, наслаждаются процессом, один привычно ругает правительство, остальные привычно соглашаются. Подошел еще один, подсел к их столу и тоже согласился.

Один из соглашателей заявил, что не ругать надо, а пора уже вешать за неумелую работу. С ним тоже согласились.

Молодцы, подумал я вяло. Ни один человек в мире, наверное, не похвалит свое правительство. Ну, разве что женщины, но когда говорят «человек», то все имеем в виду мужчин. Это и понятно, все мы подсознательно претендуем на что-то более... чем то, чем довольствуемся.

Даже самый слабый, ленивый и глупый человек никогда не признается, что слаб, ленив и глуп, а на вопрос малолетнего сына, почему, мол, папа, ты не президент страны, отвечает с важным видом, что он-де честный, потому и нищенствует, а в правительстве одни воры, жулики и подлецы...

Хорошее оправдание, по крайней мере – красивое. Потому все тупые и ленивые так любят рассуждать, какое правительство тупое, подлое и неумелое, все там только государственные деньги по карманам рассовывают да острова в океане покупают, а вот мы – замечательные, на дне вместе с бомжами только потому, что не подличаем. А пьем потому, что в России пить – признак гражданского мужества и честности.

Никто в мире не признается вслух, что он – дурак, любой считает себя гением, которому только семенники мешают творить великие и добрые дела. Но вот Штраусу тоже мешали, так он изобрел вальсы и горя не знал.

Кириченко чуть наклонился в мою сторону, глаза озабоченные.

– Шеф, проблемы?

Я покачал головой:

– Никаких.

– А то у тебя лицо...

– Спасибо, – сказал я. – А у тебя что?.. Этот проверяющий больше понравился, чем не. Но таких мало. Сколько дураков сразу же начинают обвинять, будто я хочу с Великим Астралом общаться, а вот они уже каждый день, еще в астрологию уговаривают... Всяк считает, что век будущий должен быть абсолютным продолжением века нынешнего... Но если бы такими были только дворники, а то...

Он сказал сочувствующе:

– Да ладно, шеф. Все люди такие. И мы тоже.

Тот спросил с интересом:

– Какие?

– Традиционные, что ли, – ответил за меня Корнилов с весьма неприятным выражением лица. – Помните, мы ржали у стенда, где выставили фотки и рисунки ученых и предсказателей девятнадцатого века, где они рисовали век двадцать первый?

– Это вы ржали, – возразил Урланис с достоинством. – А я вот изумлялся, как точно предсказали передачу прямо в квартиры изображения спектаклей Императорского Александрийского Театра, как точно нарисовали будущие аэросани, по которым носятся по улицам Москвы... там только не учли, что Москва станет помноголюднее... а дирижабли на три тысячи персон?

Кириченко сказал успокаивающе:

– Да все верно, прогнозы были в основном потрясающе точными. Подумать только, на два века вперед заглядывали! Радио еще не было, а они уже применение телевидению нарисовали!.. Но, если я понимаю верно, наш уважаемый Корнилов имеет в виду совсем другую сторону предсказаний...

– Какую? – спросил Вертиков.

– Вспомните, – сказал Кириченко, – на всех тех картинах, изображающих будущие века, женщины прогуливаются в платьях до полу и с широкими зонтиками в руках, закрывающими их нежные лица от солнца, а мужчины все в темных сюртуках, в цилиндрах и с закрученными вверх усиками «а-ля кайзер Вильгельм». Корнилов хочет намекнуть, что в техническом отношении мы охотно принимаем любой прогресс, но яростно противимся любому социальному! И не верим, что изменится хоть что-то.

Урланис засмеялся:

– Моду встречают в штаны не только старики, им как бы положено, но даже малолетки! Как враждебно приняли саму идею имплантации, что началась с силиконовых грудей, гелиевых губ, уколов ботокса, липосакции, замены локтевых суставов... И все еще не угасает, а разгорается. Наши прадеды были готовы допустить в будущем любые технические чудовища, но только не безопасный секс и женские юбки выше лодыжки! В это поверить не смогли бы... да никто и не пытался такое предсказать.

– Боялись, что побьют?

– Скорее, другое. Футурологи – тоже люди. И выйти из неких рамок очень трудно. Потому если бы гениальный Юлий Цезарь вздумал предсказать наше время, он мог бы прозорливо угадать и развитие авиации, и телевидение, и даже Интернет, но социальное устройство оставил бы прежним с его рабством, гладиаторскими боями и величием Рима над дикими варварами.

В лифте мощный кондишен, но когда вышли на свой этаж, Кириченко сразу же расстегнул рубашку до пояса, подумал и закатал рукава повыше.

– А что, – спросил он в пространство, – в самом деле очищенный воздух так уж вреден?

– Да брехня все это, – сказал Корнилов. – Наш Урл перестраховывается.

Урланис сказал обидчиво:

– Какая перестраховка? У кондиционистов впятеро больше астматиков, в восемь раз аллергиков, а еще из них никудышные игроки в покер!

– Если в покер, – согласился Вертиков, – тогда да, это серьезно. Но все-таки жара тоже, знаете ли... У меня здесь плюс тридцать четыре!

– По Кельвину или по Цельсию? – поинтересовался Кириченко.

Вертиков сказал с достоинством:

– По яндексу.

– А-а-а, – сказал Кириченко, – а я вот только по гуглу узнаю. Привык, знаете ли, к старине.

... В первый раз я не очень-то доискивался, почему мне кинули из Фонда Клинтона такой жирный кусок, поймал на лету, только зубы клацнули, и сразу же влез в работу так, что и ночевал в той снятой комнатухе, куда натаскал списанного в универе и потому проданного задешево оборудования.

Но теперь, когда видно, что это не ошибка сотрудников экс-президента, я через некоторое время осторожненько поинтересовался, в каком направлении нам трудиться и проливать пот, чтобы результаты как можно больше соответствовали затраченным на нас средствам.

Мне ответили, что мы работаем в целом в интересующей фонд области, а направление выбирать нам, они не ученые, а финансисты, распределяющие денежные потоки, что текут в их благотворительный фонд.

Чтобы отпраздновать такой благоприятный для нас ответ, нанял еще двоих, на этот раз одного из Челябинска, другой обитает в Швеции, у обоих побывал телепутами, ходил по дому и даже потыкал пластмассовым пальцем в клавиатуры старого типа, пока объяснял, что от них требуется.

Человечество наконец-то уяснило, что нет более важной цели, чем достижение бессмертия уже не виду, это вроде бы решено нашими близкими предками, а отдельным существам этого вида.

Основное соревнование развернулось в хай-теке между технарями, что обещают искусственное тело, и биологами, что уверяют о скорой возможности как замены изношенных органов, так и неких сверхмощных регенерирующих гормонов, поддерживающих тело вечно юным и здоровым.

Мы же остались как бы в сторонке со своими малопонятными даже для нас исследованиями «темной материи человека», хотя правильнее назвать темной материей человечества, так как исследуем именно скрытые связи между людьми, объединяющие людей в некий Сверхорганизм, о чем люди сами не подозревают.

Из-за моей гипотезы, которую я упорно называю теорией, о существовании Сверхорганизма, частями которого мы являемся, мы то и дело упрекали друг друга, что изобретаем новое имя для Бога, заменяя такие утратившие значения, как Господь, Создатель, Творец или Провидение, а также не утратившие, но затертые, как эволюция, естественный отбор...

Кипели споры, все с пеной у рта отгавкивались, мы же молодые, а молодые бунтари Бога отвергают так же яростно, как любое давление, будь со стороны родителей, воспитателей, учителей, власти, морали или законов. Чтобы не попадать впросак, я велел хотя бы вчерне познакомиться с Библией в каком-нибудь детском пересказе, чтобы побыстрее: при отгавкивании хорошо бы хотя бы показывать знакомство с той хренью, в которой пока обвиняем друг друга, а потом нас будут обвинять другие... если, конечно, у нашей работы есть будущее.

Для меня важнее то, что Сверхорганизм, называясь он Богом или природой, выпускает в мир множество существ с разным набором качеств. Нет, у всех есть базовое, но так же, как одни выше ростом, другие ниже, кто-то блондин, кто-то брюнет, так же точно одни более чувствительны к запахам, другие безошибочно ориентируются в пространстве, без компаса найдут дорогу, у кого-то музыкальный слух, у кого-то чувство ритма...

Так и у меня повышенная чувствительность или способность, как ее ни назови, принимать сигналы по темным каналам. Принимают все, но я принимал лучше, больше и чаще, в конце концов это привело к тому, что начал смутно догадываться об их происхождении.

Вообще-то, это и есть доказательство, что Существо – не Бог, он же любит всех одинаково, беленьких и черненьких, а тут получается, что я вот такой особенный...

...но, с другой стороны, Господь вроде бы говорил где-то, что есть дураки, а есть праведники, так вот я могу считаться этим самым удостоенным.

– Знаешь, – сказал я Кириченко перед дверью своего кабинета, – основное неприятие Бога именно из-за того, что человеку непонятны его мотивы. Вот такое самоуверенное чмо, не понимает даже мотивов родителей, а потом – жены или детей, а хочет в точности знать, почему Бог поступает так или эдак! А когда какой-нибудь самоуверенный юнец заявляет, что Бога нет, потому что существу он, то поступил бы вот так или вот так, то я даже не знаю, смеяться или плакать над дураком!..

Он буркнул:

– Только поэтому?

– Догадался? – спросил я. – Да еще и потому, что сам такой же. Всегда пытаюсь понять мотивы Бога. Но шансов у меня меньше, чем у отцовского Тузика, когда он наблюдает за мной и старается понять, чем же я так занят, что не хочу с ним грызть его косточку и бегать за мячиком.

Люцифер услышал издали, проронил:

– Все мы такие. Если Бог создавал нас, то он и создал такими... интересными.

– И все равно противно, – сказал я сердито, – знать, что поступаешь как дурак. Боюсь, что и люди постарше так же думают, но помалкивают, подозревая, что сами не все еще на

свете знают, и потому не хотят ставить себя в смешное положение, но дураки всегда уверены, что они все на свете знают! И потому абсолютно уверены, что Бог должен поступать, как вот поступали бы они, тупые морды.

Он сказал с сочувствием:

– Шеф, все-таки разделяйте Сверхсущество и... Бога. А то мы хрен знает куда скатимся. В секту какую-нибудь.

Из моего окна видно, как по улице прошла разношерстная демонстрация весьма странных людей, мыслящих как-то непонятно, в руках огромные плакаты с протестами супротив сноса последнего исторического памятника в пределах центральной части Москвы.

Крики настолько противные, что я закрыл створки, да еще и на шпингалет, чтоб еще тише, вдруг да поможет, за спиной появился Кириченко с чашкой кофе в руке и увесистым бутербродом в другой, посмотрел, сказал свысока:

– Сколько же на свете идиотов...

– Все еще, – согласился я.

Кириченко поинтересовался:

– Может быть, не знают? Все исторические памятники полностью реконструированы в три-дэ и экспонируются в музеях! Каждый может себе скачать полные варианты и установить в квартире, на даче или во дворе с любыми масштабами. Вообще вся Москва воссоздана по годам, начиная со времен боярина Кучки!

От своего стола поднял голову Урланис, посмотрел в нашу сторону.

– Вы о демонстрантах? Целую неделю в инете лаптями звонили о подготовке, сто тыщ обещали участников!

– Человек сто наберется, – сказал Кириченко. – А вообще-то, дикари, а ты про три-дэ! Они компьютеры все еще считают происками дьявола. Слово «интернет» выговорить не могут...

Люцифер хихикнул:

– А если и выговаривают, то как ругательство. Ничего, пусть митингуют. Проще оставить их вымирать, чем переучивать. Нам нужен современный город, а не эти... боярские усадьбы, на хрен никому не нужные и никем не посещаемые. Меня, к примеру, куда больше устраивает, что на месте этой дурацкой боярской дури будет стоэтажный Центр Атомарных Технологий. И красившее в миллион раз, даже сравнивать глупо, и польза.

– И на работу, – добавил Вертиков мечтательно, – ездить не за город, а пешком можно... А то от этих бесполезных памятников старины не продохнуть.

Корнилов поинтересовался:

– А я всегда старался понять, для чего они? Чтобы показать, как раньше было плохо? Как бедно и уныло жили?

Люцифер хихикнул:

– Наоборот! Чтобы гордились таким великим прошлым.

– Великим?

– Ну да.

– Почему?

– Почему великим? Не знаю. Почему гордиться? Тоже не знаю. Когда говорят, что нужно для национального духа, я умолкаю и отхожу в сторону. Чувствую, здесь нечто такое, что умным лучше спрятаться. Прибьют.

Кириченко посмотрел на него снисходительно:

– Дикарь. Все изменилось, теперь от умных прячутся! Но, шалишь, от нас не спрячешься.

– За все отыграемся, – подтвердил Урланис. – Я вчера целую пати замочил, почему-то считали себя крутыми.

Корнилов хмыкнул:

– Все еще играют?

Те сопляки, что раньше сбивались в уличные стаи и задирали одиноких прохожих, приставали к женщинам и обижали парней с девушками, теперь собираются в пати, создают кланы и точно так же нападают на крупных мобов, ходят на рейдбоссов, берут штурмом замки. Обязанности остаются те же, что были и в уличной жизни: этот задирает, этот танк принимает удар на себя, а эти нападают гурьбой и сладострастно мочат, стараясь бить со спины.

Преступность частично переместилась в Интернет. Как мелкая уличная, так и крупная, последние действуют уже не в баймах, разве что организывают фирмы по прокачке чаров, поверлифтингу, фарму и крафту. Когда-то это был малодоходный бизнес, но когда баймы начали приносить своим хозяевам миллиардные прибыли, то одна лишь продажа внутриигровых денег приносила десятки миллионов долларов. Правда, в любой игре конкурируют десятки, а то и сотни фирм, предоставляющих такие услуги, но некоторые усилились настолько, что даже отстреливали конкурентов, пока власти не спохватились и не пресекли весьма жестко новый вид организованной преступности.

Кириченко поморщился, развел руками:

– А что им еще остается? На работу таких не принимают, а на пособие худо-бедно прожить можно. Играют вот, хоть там стараются побыть богатыми и крутыми.

– А ты не даешь, – упрекнул Корнилов. – Жестокий ты человек.

– Жестокий, – подтвердил Кириченко. – Пусть знают, что интеллигенты могут быть в сто раз обидчивее, а уж если смогут отплатить, то мало не покажется.

Глава 9

Вышел из кабинета подышать свежим воздухом, а за столом Люцифера, усыпанным крошками от рассыпчатого печенья, Вертиков и Корнилов вместе поглядывают на экран, перехватывают друг у друга грызуна, но, поправляя цветные шарики в двойной спирали, разговаривают хрен знает о чем, я с недоумением услышал:

– Понимающие проблему люди говорят, – сообщил Вертиков размеренно, взгляд не отрываясь от экрана, – что Бог не инженер, а каменотес... Все, что инженер создал, можно разобрать, перенести в другое место и собрать снова. Но те камни, которые обтесал Творец, нельзя сделать необтесанными... Так что проблема разборки тела по какому-то чертежу, а потом сборки, гм, отпадает...

– А если разобрать, – спросил живо Корнилов, – все в точности? Просто скопировать?

– А потом собрать в другом месте? – спросил Вертиков.

– Да!

– Тогда разберешь старика, – ответил Вертиков, – и соберешь старика. Со всеми его болезнями, плохой памятью... И какой смысл?

Я сказал, повысив голос:

– Вы там не в богословы записались? Корнилов, ты чем занят?..

– Расширяю диапазон ловилки запахов, – отрапортовал он. – Но мы ж должны видеть перспективу? Сверхорганизм – это фактически Бог, хоть и не Бог, вот мы и обмусоливаем проблему. А тут еще чипы расшаривания на подходе, а мы еще не решили, готовы отказаться от главной константы в человеке или не готовы?

– Это какой? – спросил я невольно.

– Лжи, – объяснил он. – А вы как думаете, шеф?

Я пробормотал:

– Что-то ты загнул... с какого перепугу это главная константа – ложь?

Корнилов сказал живо:

– Ну, пусть чуть-чуть загнул, хотя, может быть, и не загнул вовсе. Вся цивилизация держится на лжи, вообще началась с нее!.. Как только люди начали притворяться, что улыбаются, хотя на самом деле готовы были вцепиться друг другу в горло, они сумели жить сообща, помогать друг другу, совместно противостоять более сильным хищникам!.. И вот теперь все это должно рухнуть? В одночасье?

Вертиков сказал:

– Почему же в одночасье? Этот монолит, признаю, подтачивается медленно и со всех сторон. Разве телекамеры, установленные на перекрестках, не ограничивают наши возможности врать? А когда их установили в лифтах, подъездах, даже туалетах?.. Даже насрать нельзя мимо унитаза и сказать, что не ты!.. С ума сойти, какие ограничения!

Урланис повернулся в их сторону вместе с креслом, глаза недоумевающие, проговорил медленно:

– Не понимаю, о чем спор?.. Когда перейдем в сингулярность, мне будет совсем не стыдно, что там творил мелкий человечек в биологическом теле, у которого моя фамилия!.. Я, кстати, вообще сменю фамилию. Если в сингулярности они еще будут, хотя вряд ли.

Вертиков покачал головой:

– Сингулярность... Это понятно, когда будем смотреть на себя нынешних, как на муравьев. Но вот на подходе к сингулярности, когда ты еще человек, а уже весь должен стать открытым... иначе дальше шагнуть не позволят, то как такому?

Урланис двинул плечами:

– И что? Судьи все поймут. И если ты вчера насрал у меня под дверью...

Люцифер сказал сердито:

– Я не срал!

– Да ладно, пусть даже насрал, это в твоём характере, вон даже сейчас глазки забежали, все равно спишется на обезьяньи инстинкты, дурные привычки, наследственность, все это можно будет легко исправить.

– Я не срал! – продолжал настаивать Люцифер, повысив голос.

– Ты не понял, – объяснил Урланис. – Я верю, что судьи все поймут и все простят. Но каково самому... гм... подсудимому? Или абитуриенту, соискателю? Он же со стыда сгорит. Иной лучше повесится, чем позволит экспонировать себя всего.

Я отмахнулся, ушел в свой кабинетик. Мне сейчас гораздо интереснее поправка к УК, добавляющая строгое наказание за поэтизацию насилия и преступности, так это было сформулировано, а говоря простыми словами, отныне все кинопродюсеры, как и создатели байм, будут нести уголовную ответственность за положительные образы гангстеров, мафиози, грабителей банков и прочих-прочих, что не подпадают под категорию добропорядочных граждан.

Собственно, общество уже созрело и доросло до того, чтобы не считать грабителей героями, оставалось это мировоззрение подкрепить законодательными актами. Для первого нарушения предусматривался штраф, правда, высокий. А за второй следовало лишение права заниматься творческой деятельностью, включая издание печатной продукции, рисование картин и даже изготовление сувениров.

Правозащитники подняли ожидаемый вой, но они давно скомпрометировали себя противодействием любым действиям и предложениям правительства, так что на них смотрели с любопытством, как на уличных клоунов, но внимания уделяли намного меньше.

Большинство киностудий тут же закрылись, это и понятно, хорошего добропорядочного человека изображать невероятно трудно, да и кому это интересно, кассовые сборы тут же упадут. В баймах и того хуже, там почти все построено на сплошной мочилровке, разве что перевести все сервера на ПвЕ, но и там достанут защитники животных...

Я прикидывал, как это отразится на работе Энн, с одной стороны – помощь, с другой – меньше работы, а это значит, меньше влияния, меньше оклад, меньше азарта.

– Энн, – позвал я, – откликнись...

Через пару секунд экран вспыхнул, появилось ее спокойное лицо с внимательными глазами.

– Да, Грег, – ответила она, – что-то случилось?

За ее спиной старинные шкафы, с ходу и не скажешь, что это серверы, где собраны все фильмы и сериалы со всего света, несколько экранов, где идет действие в ускоренном режиме, а особые проги высматривают элементы насилия, расизма или неpolitкорректности.

– Только сегодня услышал про новый закон, – признался я. – Ну, который о культурном наследии. Как-то не слежу за политикой...

– Ничего страшного, – ответила она ровным голосом. – Но что-то у тебя глазки бегают...

– Ты права, – признался я. – Культурное наследие мне как-то по овощу. Даже парниковому. Могу тебя сегодня встретить?

– Сегодня можешь, – ответила она, – но ненадолго. Я обещала приехать к родителям повидаться.

– А где они?

– В Подмоскovie.

Я сказал живо:

– Могу отвезти!

Она улыбнулась, покачала головой:

– Нет уж, нет уж. Мой отец не любит, когда приезжают без спроса. Он человек старых правил.

– Жаль, – сказал я. – Хотелось бы повстречаться с твоими родителями.

Она сделала большие глаза, расхохоталась, на щеках выступили ямочки.

– Ты, наверное, единственный на всем белом свете, кто хотел бы увидеть родителей твоей девушки!

Она отключила связь, надо работать, но я остаток рабочего дня ходил и улыбался, как дурак, в ушах все звучат ее слова «твоей девушки». Все-таки хоть и видимся редко, во всяком случае реже, чем мне бы хотелось, она считает себя моей...

Амебы, когда им жрать нечего, собираются в огромный ком, напоминающий виноградную улитку, и передвигаются, уже как улитка, и до сих пор никто не может понять, как достигается такая абсолютная синхронизация движений: образуется ли центр управления или же это нечто вообще небывалое?

Со школьной скамьи навяз пример с гидрой, которую можно растереть в ступке в кашу, но если оставить ее там, то разобщенные клетки снова соберутся в гидру. Ну, как по команде «Вольно» все разбредаются, а по команде «Становись!» выстраиваются в упорядоченную структуру.

То есть амебы предпочитают жить порознь и, только когда нужна приплет, собираются в Сверхсущество, а вот гидры настолько привыкли жить единым организмом и получать от этого бонусы, что разбегаются только в случае, если их разгоняют силой.

Я постоянно ищу аналогию с человеком, потому что все, что мы делаем, и вообще, что делают все ученые на свете, чем бы ни занимались, это человеку и для человека, так вот мы, люди, – амебы или гидры?

Кириченко по моему указанию все перепроверил и подтвердил, что клетки обмениваются не только медиаторами, но и информационными пакетами. Передача упакованной РНК абсолютно новый вид коммуникации между клетками, однако пока никто даже не приблизился к разгадке, какую функцию выполняют экзосомы, несущие молекулу РНК. Кириченко азартно поклялся, что именно он сообщит изумленному и благодарному человечеству, что, как и зачем.

Урланис фыркнул, он-то знает, что панэмэтцирцэнзенному человечеству на все насрать, кроме чемпионата мира по футболу, но сам над своими жуками просто трясется и надеется первым сообщить о прорыве в изучении темных связей.

Энн не догадывается, на что способен человек, мало-мальски знакомый с современной техникой. При следующей встрече она встретила меня сияющими глазами и немножко удивленной улыбкой.

– А ты знаешь, железячник, ты моим родителям понравился!

Я сделал вид, что невероятно удивлен, тоже вскинул брови, а еще и развел руками.

– Шутишь?

– Нет, правда! Сама бы никогда не подумала.

– Но... прости, мы же никогда не виделись! Или ты что-то такое сказала?

Она помотала головой:

– Нет, я о тебе вообще стараюсь ничего не говорить, чтобы их не...

– ...раздражать?

– Не печалить. Просто мама сильно расстроится. А папа напоминает, что он же хотел второго ребенка, а мама воспротивилась. Дескать, второй был бы удачнее...

Я сказал осторожно:

– Твой отец бывает... слишком строг.

Она поправила:

– Жесток, ты хотел сказать? Да, он не знает меры. Говорит, что это свойство молодости, и гордится такой бескомпромиссностью, как он ее называет. Но ты ему понравился.

– Ума не приложу, – пробормотал я, но сердце радостно застучало.

– Помнишь, – сказала она, – мы вчера заходили в какой-то противный магазин, где ты купил какую-то гадкую железку?

– Ну-ну?

– А мои родители, – сказала она победно, – как раз выходили из супермаркета. Они обратили на тебя внимание, когда ты вышел из машины, обошел ее и открыл передо мной дверь. Дескать, какой воспитанный молодой человек, теперь таких не осталось!.. И как же удивились и обрадовались, когда оттуда выползла я, а ты мне к их восторгу еще и руку подал!..

Я пробормотал:

– Ну, это же естественно...

Она рассмеялась:

– Это только твоя причуда, а больше так никто не делает. Моя мама всю дорогу щебетала, какой ты замечательный.

Я спросил с надеждой:

– А отец?

Она посмотрела на меня хитрыми глазами.

– Не поверишь.

– Что?

– Он долго слушал маму, меня не спрашивал ни о чем, дети всегда врут родителям, а потом обронил, что хорошо бы мне как-нибудь привезти тебя к ним на чай.

Мое сердце подпрыгнуло, расправило крылышки и сделало несколько восторженных кувырков в безоблачной сияющей голубизне.

– В самом деле не верю, – пролезло между моих расползшихся в стороны губ. – Это просто... нет, не верю.

– А придется, – сказала она авторитетно, – в общем, подготовься, вытри слюни, подстригись, оденься поопрятнее, и мы заскочим на эту самую чашку чаю. И даже чаю попьем! Если дадут.

Я сказал торопливо:

– Поедем сейчас?

Она отшатнулась:

– С ума сошел? Не такой уж ты и старомодный, как они решили. Родителей нужно предупредить хотя бы за неделю.

– Хорошо-хорошо, – сказал я торопливо. – Как скажешь.

– А вот так и скажу, – отрезала она почти сердито. – А еще подстригись, а то, знаешь...

– Сделаю, – сказал я. – Как подстричься?

Она наморщила нос:

– Им все равно, главное – подстрижен, аккуратен, воспитан.

– Все сделаю! Клянусь, чем хочешь.

– Не надо, – сказала она великодушно. – Это в твоих интересах, если в самом деле хочешь пройти через этот ад.

И снова она упорхнула, а я со сладкой тоской смотрел вслед. Как-то получилось, что из девушек у меня были только те веселые и общительные, кто всегда стремится к тусовкам, дискотекам, обожают парней на байках, всегда готовы в кино, кафе, на пляж, на сиюминутный секс, веселую болтовню, пьют пиво и вино, покуривают травку, обожают шутки и приколы. И хотя я вроде бы не в их вкусе, но иногда замечают и меня, но так же легко и просто расстаются, словно ничего и не было, хотя у меня обычно после такого на сердце шрамик, впрочем, легко рассасывающийся.

Хотя сказать, что они были у меня, это слишком, это я был у них, причем даже не знаю зачем, вокруг таких всегда парни, которым нужны веселые и некапризные подружки.

Глава 10

Правда, еще была Эльвира, от нее осталось сладостно-тревожное воспоминание, как в детстве, когда, помню, посмотрел фильм «Эльвира – Повелительница Тьмы», и с тех пор престелстная ведьма с вот такими снилась сперва ребенку, потом подростку, хотя уже по-другому. До сих пор теряюсь в догадках, что ее привлекло во мне, когда подошла на вечеринке, показывая крутыми бедрами, разрез на юбке справа до пояса, блузка наброшена на голое тело, и обе пышные груди при ходьбе то и дело дразняще показывают то справа, то слева розовые соски с упруго торчащими и такими аппетитными ниппелями... а после вечеринки сказала клещащимся парням, что пойдет со мной, после чего я едва не упал со стула.

Она не только пошла, но и затащила в постель, а там оказалась такой податливой, чувственной и нежной, чего я никак не ожидал, потому сразу же влюбился и считал дни, когда увидимся снова. Константин, старый друг и великий ловелас, навел о ней справки и сообщил возбужденным шепотом, что она – дочь известного политика, дед вообще в прошлом член ЦК партии, сказочно богата, за нею всюду таскается целый хвост женихов и просто обожателей, она имеется с разными, иногда с двумя-тремя за день, и ему тоже непонятно, что такая во мне нашла...

Отношения наши оборвались так же внезапно, как и начались, но все-таки два месяца – это два месяца. Я потом, как и Константин, долго ломал голову, не понимая, почему я, когда за нею ходят табуны роскошных сынков олигархов и политиков.

За эту неделю Энн удалось адаптировать «Ромео и Джульетту» настолько удачно, что ей поручили работу намного посложнее – «Триста спартанцев». Она посмотрела все три варианта кинофильмов, комиксы и мультики на эту тему, пришла в отчаяние и прибежала ко мне в слезах.

– Я не знаю, – твердила она, – просто не знаю, с какого конца взяться. Это же целая гора!

– Не берись, – посоветовал я.

– Это большой заказ! – огрызнулась она. – Огромный!.. И тема... я не думала, что ею так интересовались. Я вообще ни о каких спартанцах не слыхала, а тут, оказывается, столько о них... И фильмы, и романы, и мультики, и комиксы, и статуэтки, игрушки, постеры... Если я откажусь, заказ тут же схватят Васильев или Коган, эти уроды за все берутся, но все портят.

– Но заказчики принимают?

– Заказчики дураки, – отрезала она. – К тому же у нас есть мастера впаривать. Ты лучше подскажи, как адаптировать хотя бы фильмы?

Я подумал, сдвинул плечами:

– Ну, последний фильм, сделанный по детскому комиксу, полное говно, его адаптировать просто. Он ничего общего со спартанцами не имеет, кроме названия, так что менять можно все. Там этот, как его, ну, персидский военачальник... типа панка тупого, вся морда в пирсинге, полный дурак, его сразу можно в геи, скотоложцы и даже трансвеститы. Предыдущий фильм Рудольфа Матэ с Ричардом Эганом в главной роли уже забыт, хотя то был шедевр, если кто и помнит что-то про ту эпоху и каких-то спартанцев, то как раз дерьмо Снайдера. Битву у Фермопил можно оставить за кадром, а царя спартанцев сделать половым партнером короля Ксеркса. Ну, король воспылил страстью к спартанскому царю Леониду и предложил к его услугам свою задницу, но Леонид отказался, у него для этих целей все триста спартанцев. Опиросингованный жестоко оскорблен и, мучимый ревностью, клянется уничтожить все триста спартанцев, чтобы у Леонида не оставалось выбора, кроме его задницы...

Она прервала:

– Постой-постой!.. Такие вольности процветали в демократичных Афинах, как я знаю, а это же Спарта...

Я отмахнулся:

– Да какая разница? Ты девушка умная, слышала выражение «греческая любовь»?

– Слышала, – подтвердила она, посмотрела настороженно и удивленно, – а вот откуда бы...

– С этим серфингом по инету чего только не нахватаешься, – сказал я виновато. – Так вот, не афинская, а именно греческая. Спартанцы – тоже греки.

Она задумалась, милое личико приняло такое сосредоточенное выражение, что я поблагодарил мысленно хитрых и дальновидных политиков, придумавших суфражизм: женщины, старающиеся думать – такие забавные, что хочется схватить в горсть и держать там, целуя, как джунгарских хомячков, в мордочку и даже в попку.

– Да, это пройдет...

– Но Леонид, – продолжил я, – тоже гибнет вместе со своими любовниками, и перс горько рыдает над его трупом и в исступлении совокупляет его мертвое тело, тем самым меняя подориентацию с пассивного на активного.

– Наверное, пройдет, – повторила она нерешительно, – хотя ты предлагаешь чересчур крутые варианты. Я предпочитаю мягче, мягче...

– Женщина, – сказал я с сочувствием.

– Должен говорить не с сочувствием, – сказала она сердито, – а с завистью! Слышал, скоро сможем размножаться и без вас! А вот вы...

В назначенный день я приехал, томясь сладким нетерпением, за час до конца ее работы, ждал в приемной, потом заглядывал в просмотровые, там жизнь кипит, режут, доснимают, вклеивают, вот так не увидел бы, ни за что не узнал бы, что фильм не просто переделан, а изменена вся суть, часто из жестокого и зрелищного фильма о завоеваниях получается веселая оперетка или мюзикл.

Она вышла сдержанно довольная, царственно улыбнулась одними глазами, я счастливо подставил ей локоть, но она даже не повела в его сторону взглядом, это только для ее родителей важны такие старомодные знаки внимания, но на самом деле они унижают женщину, подчеркивая ее слабость и зависимость от мужчины.

Авто молчало и не двигалось, я сам распахнул перед Энн дверцу, усадил, обошел спереди и сел на свое место.

– Теперь можно, – сказал я великодушно.

Он фыркнул, как мне показалось, недовольно-презрительно, мы всегда одушевляем машины, выкатился из ряда и, набирая скорость, понесся по маршруту, введенному в навигатор.

Когда вылетели на МКАД, там вообще скорость на пределе, автомобиль едва не оторывается от земли, я наслаждался стремительной ездой, то и дело над широким скоростным шоссе возникают чисто вымытые дождем дождевые черви, почему-то именно они приходят на ум, когда вижу перекинутые над дорогой переходы для пешеходов из прозрачного пластика. Составленные из сегментов, как тело дождевого червяка, они начинаются на земле с одной стороны шоссе, а заканчиваются на другой, а внутри видно, как двигается нечто темное, иногда редкими комочками, иногда непрерывной массой.

Раньше показателем успеха было вскарабкаться на вершину служебной лестницы или создать с нуля процветающий бизнес, а теперь успешным считается вообще работающий, так как найти место в мире, где половина безработных, уже показатель крутости, умений и высокого профессионализма.

Хотя мне кажется, мы, как всегда, на потеху всей Европе, перегибаем палку. Еще далеко не сингуляры, даже не все знают, что такое трансгуманизм, но агрессия настолько усиленно изгоняется из всех сфер жизни, что даже футболистов обязали играть в шлемах, как некогда хоккеистов. Но так как у человека всегда были две самые важные страсти: война и секс, то

чтобы заменить пустоту, оставшуюся после войны, усиленно насаждается секс. Любой. Пусть даже с животными и любыми извращениями, кстати, запрещено употреблять слово «извращения», этого не существует, так как все способы полового удовлетворения законны, легитимны и моральны.

Неморальны, незаконны и нелегитимны отныне любые виды насилия. В том числе в кино, книгах, рисунках, детских играх.

– А вот там впереди, – сказала она весело и показала пальцем, – будет столбик, дальше съезд на проселочную... Надо взять управление на себя... Ты хоть машину водить умеешь?

– А это обязательно? – спросил я лихо. – Извозчики на что?

Она заметно напряглась, когда машина резко сбавила скорость и свернула на проселочную дорогу прямо через поле, заросшее бурьяном почти в рост человека.

– Хороший у тебя извозчик, – проговорила она ошарашенно. – Я думала, это работает только в городах и на трассах.

– Теперь везде, – успокоил я хвастливо. – Видишь, вот тут на карте я указал место... машина туда и везет.

Она отмахнулась:

– Все равно не запомню, я гуманитарка. А ты – черствый технарь.

– Ага, – согласился я, – как сухарь. Но рядом с тобой таю, как мороженое на солнце.

Она улыбнулась:

– Смотри, не испачкай.

Несколько аккуратных домиков расположены на приличных расстояниях друг от друга. Совсем не то, что в коттеджных поселках вблизи МКАД. Здесь главное не близость к городу, а эти участки, у каждого владельца не меньше, чем по полгектара, нехило.

Она наблюдала с любопытством, как автомобиль подъехал к воротам, переговорил на своем языке с ними, те медленно начали подниматься, как решетка средневекового замка, только здесь она наворачивается на длинный вал, как цепь деревенского колодца.

– Какой умный, – похвалила она, – не боишься, что машины захватят власть?

– И начнут насиловать женщин? – уточнил я. – Нет, последнее мы им не уступим.

Авто аккуратно и красиво въехало во двор на вымощенную для машин площадку. Я вдохнул чистый воздух полной грудью, окинул взглядом уютный дворик с множеством цветов, горделивыми подсолнухами, королями всех цветов, и ощутил, что люблю этот мир, люблю родителей Энн, и вообще мне здесь хорошо и уютно, как всякому попаданцу.

В доме распахнулась дверь, появились смеющиеся родители Энн, если я правильно понимаю: приземистый мужчина с фигурой боксера и женщина в легком цветном халате.

Отец, как я вижу, здесь безраздельный глава семьи, и я всматривался в него с особым вниманием. Человек состоятельный в наше время отличается от несостоятельного не пышной одеждой, не автомобилями и виллами, а индексом здоровья.

Семидесятилетний несостоятельный выглядит как семидесятилетний, а то и восьмидесятилетний... если вообще доживает до такого преклонного возраста, средняя продолжительность жизни в России – едва перевалила за шестьдесят пять лет. Но состоятельный семидесятилетний – это сорокалетний мужчина в расцвете лет, полный сил, энергии и желания сворачивать горы.

Самое выгодное вложение средств – в себя, любимого. Что останется – на прочую хрень. Ибо если от пренебрежения к себе издохнешь раньше времени – то на фиг тебе все акции, виллы и собственный самолет?

Отец Энн выглядит именно таким, поджарый и моложавый, хотя Энн «завели», когда ему было за пятьдесят, а его супруга явно моложе, значительно моложе, но за собой так не следит, сильно располнела, по виду очень довольна всем и всеми.

Они быстро обнялись и расцеловались с Энн, я терпеливо ждал в сторонке с застывшей улыбкой, руку подавать не тороплюсь, по правилам недопустимо первым, а здесь живут по правилам. Наконец мужчина протянул мне руку ладонью вверх, что значит общаться будем на равных, а вот если бы подал ладонью книзу... гм...

– Анатолий Евгеньевич, – сказал он, – отец этого существа.

– Очень приятно, – ответил я. – А я пока Григорий, отчеством обзаведусь, надеюсь, со следующим повышением.

Женщина подала мягкую пухлую ладонь и сказала милым голосом:

– Меня зовут Людмила Николаевна, но это так длинно, в следующий раз можете называть просто Людмилой...

Она в самом деле выглядит очень молодо, как старшая сестра Энн, и такую если бы кто назвал тетей Людой – оскорбил бы точно.

Энн ухватила меня за руку.

– Пойдемте все в дом. Я обещала показать, как мы сами без всяких дизайнеров обустраивали мансарду.

У меня не слишком уж и опытный глаз на такие вещи, но заметил, что к нашему прибытию в доме и даже на участке прибрались. О таком феномене узнал еще по отцовской даче, они с матерью всегда спешно наводят порядок в доме перед приходом гостей, прячут в шкафы разбросанные вещи, все расставляют по местам, пылесосят, а когда встречают на пороге и обнимаются, то делают вид, что так у них всегда.

Гости же, когда принимают у себя при ответном визите, стараются точно так же все вычистить и вылизать, вещи и мебель расставить, как на выставке в мебельном салоне, получается музейно холодно и красиво-мертво, зато ни намёка на беспорядок. И в такой церемонной обстановке пьют чай и обмениваются любезностями.

Конечно, когда все это понимаешь, то вроде бы смешно, однако с другой стороны в этом что-то есть, чего не могу пока уловить и тем более объяснить, но при этой чопорности никогда ничего не узнают друг о друге порочащего или даже намекающего на порок.

А вот нам скрывать нечего, мелькнуло у меня бодренькое. Мы, новое поколение, настолько уверены в себе, что мишура нам ни к чему, ну совсем не страшимся показать нижнее белье, даже если не совсем чистое, а даже пусть и засранное: все срут, нечего делать вид, что ходим мыть руки, видите ли.

Глава 11

В вечно голодавшей России остался этот рефлекс, перекочевавший в обычай: прежде всего накормить гостя так, чтобы у него из ушей текло. Интеллигентные родители Энн если и могут в чем-то пойти против обычаев, но только не против этого, могут заподозрить от скудости до бедности, что одинаково оскорбительно.

Однако я с удовольствием ел и жареного гуся, похваливал и гречневую кашу, а когда подошла очередь кофе, обрадовался и ему, как старому другу, которого здесь встретить не ожидал. Перед выходом из конторы перекусить не успел, а потом час в дороге, аппетит у меня самый настоящий.

После трапезы я предполагал, что глава семейства предложит перейти в другую комнату и выкурить по сигаре, но это я что-то слишком размечтался, сейчас все следят за здоровьем, а курящие за город вообще не переселяются.

Анатолий Евгеньевич попросил жену сделать еще по чашечке, а пока она готовила, я сказал с подчеркнутым восторгом:

– Двор у вас просто чудо!.. Я даже не думал, что можно сделать так красиво! Как будто в сказку попадаешь...

Энн сказала довольноно:

– Мама у нас дизайнер. Она любит и умеет делать красиво.

Было видно, что главе семьи моя похвала понравилась, но для солидности нахмурился, своих хвалить – портить, проворчал:

– Развелось этих дизайнеров...

Энн сказала обиженно:

– Папа, что ты говоришь?

– Да ладно, – проворчал он, – я же понимаю, пусть хоть этой ерундой занимаются, чем на пособие живут! Не отказываться же от автоматизации производства?

Я дипломатично смолчал, Энн сказала обиженно:

– Папа, ты чего такой злой?

Он криво улыбнулся:

– Разве? Я как раз одобряю. Лучше так, чем никак. Просто слишком уж их... Как мух. Дизайнеры по костюмам, по сапогам, по духам, по участку, по шляпам, по клумбам, по всякой хрени, какая только есть на свете, и по той, что еще не придумана... А стилисты? А визажисты всех мастей? А флористы?.. Я к тому, что лучше бы правительство придумало настоящее занятие, чем создавать рабочие места лишь бы для того, чтобы чем-то занять людей и платить им зарплату... вы как думаете, Григорий?

Я сказал поспешно:

– Вы абсолютно правы, Анатолий Евгеньевич!.. Автоматизация высвободила массу умных и работоспособных людей. Они хотят и готовы трудиться, но... где? Сами найти не могут, а подсказыватели несколько туповаты и сами еще из прошлого века.

– Согласен, – сказал он благодушно, – надо сперва подготовить этих, как вы говорите, подсказывателей. Чтобы рабочие места создавали люди высокой культуры, а не бывшие дворяне, что сперва наплодили юристов столько, что юрист на юристе ехал и юристом погонял, потом – бухгалтеров, затем менеджеров... а теперь вот, нате – дизайнеры всех мастей! Куда их столько?

– Возможно, – сказал я робко, – надо как-то использовать опыт Запада? Или обратиться к нему за помощью? Чтобы помогли опытом, посоветовали, подсказали?

Он поморщился, помотал головой.

– Запад нас не любит, – сказал он веско, – и не доверяет потому, что мы унаследовали веру лукавых и коварных греков. Он постоянно упрекал Византию в предательстве, это же Византия фактически сорвала все крестовые походы, помогая сарацинам продовольствием, оружием, передавая им все сведения о передвижении крестоносцев... А знаменитый погром тысяча сто восемьдесят второго года в Константинополе, когда православные уничтожили живущих рядом шестьдесят тысяч католиков только за то, что те католики? Не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков, кардиналу Иоанну отрезали голову и привязали к хвосту собаки, младенцев вырезали из чрева матерей...

Энн посмотрела на меня со своей стороны стола и чуть заметно покачала головой, дескать, не спорь, у отца это конек, знает материал лучше всех, докторскую писал, и возражений не терпит.

Я сказал осторожно:

– Но те времена давно прошли...

– Да, – согласился он, – но еще в то время сформировался тип византийской политики, основанной на лицемерии и коварстве. И сформировалось отношение к ней католической Европы. А потом, представьте себе, мы принимаем от гибнущей Византии двуглавого орла, называем себя Третьим Римом, а вместе с этим и весь, так сказать, византизм. Надо заметить, что византизм уже вошел в плоть и кровь и был над политикой. Например, Ленин в духе византизма отказался признавать долги предыдущего правительства России. Потому отношение европейцев к нам, как к младшим братьям, что пошли не по той дороге. А к братьям требования строже, чем к чужим, будь то буддисты, синтоисты или мусульмане. Братьев то и дело тянет то наказать, то поучить, то потребовать, чтобы жили вот так, а не эдак...

– Значит, не помогут?

Он покачал головой:

– Западные страны не оставят Россию в покое, пока будет оставаться православной. А католический мир отличается от православного тем, что в самом деле ставит перед собой цели и упорно добивается их, а не только говорит о них, а сам мечется из стороны в сторону, руководствуясь сиюминутными интересами. Да-да, я имею в виду Россию. Знаете ли, я тогда еще работал в аппарате, когда состоялся знаменательный разговор Обамы с Медведевым. Вроде бы полностью договорились об ПРО, но за день до подписания документов российский президент в духе византийской политики начал выдвигать дополнительные требования. Обама, воспитанный в западном духе, просто не понимал, как можно нарушать договоренности, он закричал в бешенстве: «Дмитрий, так же нельзя!» – и бросил трубку. Конечно, наш президент подписал договор в том виде, в каком было условлено, и, думаю, совершенно не чувствовал стыда за то, что попытался выжать что-то еще. Это вполне в духе византизма и ничуть не стыдно. Главное – результат. Сейчас.

На дальней стене вспыхнуло, оттуда прогремели взрывы. В трехмерном пространстве высотные самолеты наносят точечные удары по танковым колоннам на территории Саудовской Аравии.

Анатолий Евгеньевич сказал почти с сочувствием:

– Не помогло, что всегда и во всем поддерживали Штаты в обмен на признание их монархического режима.

– Похоже, – поддакнул я, – пришла их очередь.

Он сказал со вкусом:

– А ведь закрывали глаза, что саудовцы совершенно открыто снабжают все исламские организации в мире добавочными деньгами на поддержку исламизации местного населения и удержания переселившихся туда арабов в мире мусульманских ценностей! Об этом стыдливо умалчивают, но каждой женщине в Европе за ношение хиджаба доплачивают по пятьсот дол-

ларов, а за чадру – тысячу, мужчины получают еще больше за бороду, национальную одежду, за воспитание детей в духе шариата.

– Пора, – согласился я. – Окончательно разделавшись с Ираком и сравнительно прижав Афганистан, как раз время нанести сокрушающий удар по саудовцам.

Людмила Николаевна принесла на широком подносе гору только что испеченных горячих пирожков, запах пошел по всей комнате, неодобрительно покосилась на экран.

– Страсти какие... Опять бензин подорожает!

– Так у нас же свой, – решил я возразить, ибо здесь поддакнуть – выказать дурость в глазах главы семьи. – Хотя, конечно, могут сослаться, да, как у нас обычно, на общую тенденцию удорожания...

Анатолий Евгеньевич кивнул:

– Пусть даже в мире воцарится на недельку умеренный хаос из-за недопоставок нефти, зато...

Он хитро посмотрел на меня, я тут же подхватил мяч:

– ...зато будет перекрыт не только путь снабжения террористов финансами, но и, главное, закрыт источник.

– А потом все устаканится, – закончил он, – но мир в целом станет намного безопаснее.

Людмила Николаевна ушла, явно успокоенная, а Энн сказала светским тоном:

– Не дело женщин рассуждать о политике, но я читала, что в исламе сейчас зарождается некое новое течение... Там у них бурлящий котел... И вроде бы намерены вообще смести Европу...

Отец посмотрел на нее со снисходительной улыбкой, как на милого ребенка, что лезет со своим лепетом ко взрослым.

– Солнышко, лучше все-таки к таким источникам относиться с осторожностью. Это сейчас все можно проверить и перепроверить, а раньше люди вали чаще и охотнее, пользуясь безнаказанностью. Вон Казанова, что боялся и избегал женщин, такие мемуары отгрохал, сразу попал в «великие любовники»! Он даже секс со своими родными дочерьми описал, надо же! Но не так давно дотошные порылись в церковных книгах, где даты рождения, и увидели, что одна еще не родилась в то время, какое он описывал, а другая была в пленках. Но все равно все уверены, что Казанова... о, Казанова!

Энн посмотрела с сомнением, не поверила, но я как раз поверил, сказал подхалимски:

– Вы совершенно правы! Это как с разрекламированной тайной кавказских долгожителей. Все века мы только и слыхали, что там поголовно живут по двести лет! Но когда начали наконец-то разбираться, оказалось, что и тайны никакой нет, и живут не больше крестьян в русской деревне. Но люди не любят, когда рушатся мифы, до сих пор держатся то за знаки Зодиака, то за пророчества бабки Пострадамуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.